Мулли — тролль, Людвиг Четырнадцатый и совсем другие

Издательство „Детская литература"

Шляпа волшебника (с иллюстрациями)

Туве Янссон

Аннотация
Туве Янссон. Шляпа волшебника
ВСТУПЛЕНИЕ
ГЛАВА ПЕРВАЯ,
ГЛАВА ВТОРАЯ,
ГЛАВА ТРЕТЬЯ,
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,
ГЛАВА ПЯТАЯ,
ГЛАВА ШЕСТАЯ,
ГЛАВА ПОСЛЕДНЯЯ,

Аннотация

Повесть-сказка «Шляпа Волшебника» — одна из большой серии сказок о Муми-троллях и их друзьях всемирно признанной финской сказочницы Туве Янссон, пишущей на шведском языке.

Писательница создала целый прекрасный мир — Долину Муми-троллей (Муми-дол) с голубым домом, в котором живет удивительное семейство Муми-троллей, всегда готовое принимать у себя друзей и заботиться о них. Находка шляпы и появление самого владельца шляпы — могущественного Волшебника — резко изменяют жизнь обитателей Долины и превращают Муми-дол в арену всяческого волшебства.

Туве Янссон
Шляпа волшебника

ВСТУПЛЕНИЕ

Первый снег пал на Муми-дол хмурым утром. Он подкрался, густой и безмолвный, и за несколько часов выбелил всю долину.

Муми-тролль стоял на крыльце, смотрел, как зима пеленает землю в свой белый саван, и думал спокойно: «Вечером мы погрузимся в спячку».

Ведь все муми-тролли делают так в ноябре (и, по правде сказать, это очень разумно, если кто не любит холода и темноты). Он закрыл дверь, неслышным шагом подошел к маме и сказал:

— Идет снег.

— Знаю, — ответила мама. — Я уже приготовила для вас самые теплые одеяла. Можешь лечь наверху в западной комнате вместе со Сниффом.

— Снифф ужасно храпит, — сказал Муми-тролль. — Можно я лягу вместе со Снусмумриком?

— Как хочешь, — отвечала Муми-мама. — Тогда устроим Сниффа в восточной.

Муми-семейство, все его друзья и знакомые готовились к долгой зимней спячке серьезно и обстоятельно.

Муми-мама накрыла стол на веранде, но в чашке у каждого были лишь хвойные иголки. (Совершенно необходимо, чтобы желудок был набит хвойными иголками, если предстоит проспать целых три месяца подряд.) После обеда (а он казался уж совсем безвкусным) все чуть серьезнее обычного пожелали друг другу доброй ночи, и Муми-мама велела всем вычистить зубы. А Муми-папа обошел весь дом, закрыл все двери и ставни и обернул люстру сеткой от комаров,

чтобы не запылилась. Потом каждый залез в свою кровать, устроил в ней ямку поуютнее, укрылся с головой одеялом и стал думать о чем-нибудь приятном. И только Муми-тролль со вздохом сказал:

— Какую уйму времени мы теряем зря!

— Ничуть! — отозвался Снусмумрик. — Нам снятся сны. А когда мы проснемся, уже будет весна…

— Мм… — пробормотал Муми-тролль, уже погружаясь в сумрачный мир сновидений.

А на дворе сыпал снег, мелко, но густо. Он уже завалил крыльцо и грузными шапками свешивался с крыши, с наличников окон. Весь Муми-дом скоро должен был превратиться в сплошной пухлый сугроб. Одни за другими переставали тикать часы — пришла зима.

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в которой рассказывается о том, как Муми-тролль, Снусмумрик и Снифф нашли шляпу Волшебника, как неизвестно откуда появились пять маленьких тучек, а Хемуль обзавелся новым хобби

Как-то весенним утром, часа в четыре, над Муми-долом пролетела первая кукушка. Она уселась на синюю крышу Муми-дома и прокуковала восемь раз — с легкой хрипотцой, понятно, потому что весна была еще в самом начале.

Ну а потом кукушка полетела дальше на восток. Муми-тролль проснулся и долго лежал, уставясь в потолок и соображая, где он. Он проспал сто ночей и сто дней подряд, он был еще овеян сновидениями и не хотел расставаться со сном.

Но, перевернувшись с боку на бок, чтобы найти новое удобное положение, он увидел такое, что сон с него как рукой сняло. Кровать Снусмумрика была пуста.

Муми-тролль так и подскочил в постели.

Ну конечно! Шляпы Снусмумрика тоже нигде не видать.

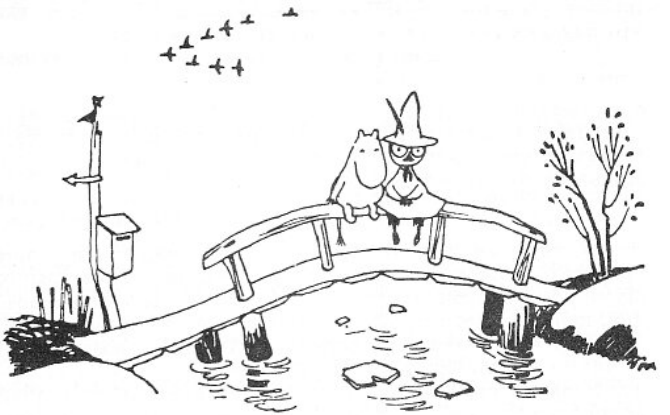
— Это надо же! — сказал Муми-тролль.

Он подошел к раскрытому окну и выглянул во двор. Ага, Снусмумрик воспользовался веревочной лестницей. Муми-тролль перебрался через подоконник и, осторожно переступая коротенькими ножками, спустился по лестнице вниз.

На сырой земле отчетливо виднелись отпечатки ног Снусмумрика. Они были запутанные, словно куриный след, и не было никакой возможности определить, куда он направился. Местами следы делали длинные прыжки и перекрещивались между собой. «Это он от радости, — размышлял про себя Муми-тролль. — А вот тут он перекувырнулся, уж это точно».

Муми-тролль поднял голову и прислушался. Где-то далеко-далеко Снусмумрик играл на губной гармошке, играл свою самую веселую песенку: «Эй, зверятки, завяжите бантиком хвосты».

Муми-тролль побежал прямо на музыку и внизу у реки увидел Снусмумрика. Тот сидел на перилах моста, нахлобучив на лоб свою старую шляпу, и болтал над водой ногами.

— Привет, — сказал Муми-тролль, усаживаясь с ним рядом.

— Привет, привет, — отозвался Снусмумрик, не отнимая от губ гармошки.

Солнце только что поднялось над верхушками деревьев и светило им прямо в лицо. А они жмурились от его лучей, болтали ногами над бегущей сверкающей водой, и на сердце у них было привольно и беззаботно.

По этой реке они не раз отправлялись в большой мир навстречу необыкновенным приключениям и в каждом путешествии обзаводились новыми друзьями и приводили их к себе домой, в Муми-дол. Муми-папа и Муми-мама принимали всех незнакомцев с невозмутимым спокойствием — лишь ставили новые кровати да расширяли обеденный стол. Так вот и выходило, что в доме всегда было полно народу и каждый занимался чем хотел, нисколько не заботясь о завтрашнем дне. Ну и, разумеется, время от времени в доме случались потрясающие, прямо-таки ужасные вещи, но зато уж на скуку никто пожаловаться не мог. (А ведь это как-никак делает честь любому дому.)

Доиграв последнюю строчку своей весенней песенки, Снусмумрик сунул гармошку в карман и спросил:

— Снифф проснулся?

— Вряд ли, — ответил Муми-тролль. — Он всегда просыпается на неделю позже других.

— Тогда нужно его разбудить, — решительно сказал Снусмумрик и спрыгнул с перил. — В такой славный денек непременно надо придумать что-нибудь совсем необыкновенное.

Муми-тролль стал под окошком восточной

мансарды и, сунув в рот лапы, дал сигнал по одним им понятной тайной системе: три простых свистка и один долгий. (Это означало: есть дело.) Слышно было, что Снифф перестал храпеть, но не шелохнулся.

— А ну-ка еще раз! — сказал Снусмумрик, и они повторили сигнал с удвоенной силой.

Окошко с треском распахнулось.

— Я сплю! — сердито крикнул Снифф.

— Давай к нам, да не сердись, — сказал Снусмумрик. — Мы задумали что-то совсем необыкновенное.

Снифф навострил помятые со сна уши и спустился вниз по веревочной лестнице. (Пожалуй, нелишне упомянуть, что в Муми-доме веревочные лестницы были под каждым окном: ведь выходить каждый раз через крыльцо — такая морока!)

День и вправду обещал быть чудесным. Повсюду было полно еще не совсем проснувшейся от долгой зимней спячки ползучей мелюзги, она шныряла во все стороны и заново знакомилась друг с другом. Одни проветривали платье и чистили щеткой усы, другие строили себе дома, третьи на все лады готовились к встрече весны. Муми-тролль, Снусмумрик и Снифф то и дело

останавливались посмотреть, как строится дом, или послушать какую-нибудь ссору. (Это часто случается в первые дни весны, потому что когда выходишь из спячки, с утра нередко бываешь в дурном настроении.) На ветвях деревьев сидели древесные феи, расчесывая свои длинные волосы, а в снегу, островками, лепившимися с северной стороны стволов, прокладывали длинные ходы мыши и прочая мелюзга.

— С новой весной! — сказал один пожилой уж. — Как зимовалось?

— Спасибо, ничего, — ответил Муми-тролль. — А вам, братец, хорошо спалось?

— Отлично, — ответил уж. — Кланяйтесь от меня папе и маме!

Такие вот примерно разговоры вели они с многочисленными личностями, попадавшимися им по пути. Но чем выше в гору, тем безлюднее становилось вокруг, и под конец им лишь изредка встречались хлопотливые мыши-мамы, занятые весенней уборкой.

— Ой, как неприятно! — сказал Муми-тролль, высоко подбирая лапы на тающем снегу. — Муми-тролли не любят, когда так много снегу. Это мне мама сказала. — Он чихнул.

— Послушай-ка, Муми-тролль, — сказал Сну-

смумрик. — Есть идея. Что, если забраться на самую верхушку горы и сложить там пирамиду из камней? Пусть знают, что мы первые побывали на вершине.

— Идет, — сказал Снифф и тотчас двинулся в путь, не желая никого пропускать впереди себя.

На вершине разгуливал весенний ветер и на все

четыре стороны распахивался голубой горизонт. На западе было море, на востоке река, петляя, уползала в глубь Пустынных гор, на севере как весенний ковер простирались дремучие леса, а на юге из трубы Муми-дома курился дымок — это Муми-мама варила к завтраку кофе. Но Снифф ничего этого не замечал. Потому что на вершине горы лежала шляпа, точнее говоря, черный цилиндр.

— Кто-то уже побывал тут до нас! — сказал он.

Муми-тролль поднял шляпу и стал ее рассматривать.

— Шляпа что надо, — сказал он. — Может, будет тебе как раз впору, Мумрик?

— Нет, нет, — ответил Снусмумрик (он очень любил свою старую зеленую шляпу). — Уж слишком новая!

— А может, она понравится папе? — размышлял вслух Муми-тролль.

— Захватим ее с собой, — сказал Снифф. — А теперь я хочу домой. Смерть как хочется кофе. А вам?

— Еще бы! — с жаром отозвались Муми-тролль и Снусмумрик.

Вот как получилось, что они нашли шляпу Волшебника и забрали ее с собой, не подозревая

о том, что тем самым превратили Муми-дол в арену всяческого волшебства и удивительнейших событий.

Когда Муми-тролль, Снусмумрик и Снифф вошли на веранду, все уже попили кофе и разбрелись кто куда. Один только Муми-папа остался дома читать газету.

— Так, так, — сказал он. — Стало быть, и вы тоже проснулись. Удивительно пустая сегодня газета. Ручей прорвал запруду и уничтожил поселение муравьев. Жертв не было. А еще в четыре часа утра в долину прилетела первая весенняя кукушка и проследовала дальше на восток.

— Посмотри-ка, что мы нашли, — гордо сказал Муми-тролль. — Мировецкий черный цилиндр, как раз для тебя.

Муми-папа оглядел шляпу со всех сторон, а потом примерил перед зеркалом в гостиной. Шляпа была для него чуточку великовата и тяжела, но общее впечатление было весьма внушительное.

— Мама! — позвал Муми-тролль. — Поди-ка взгляни на папу!

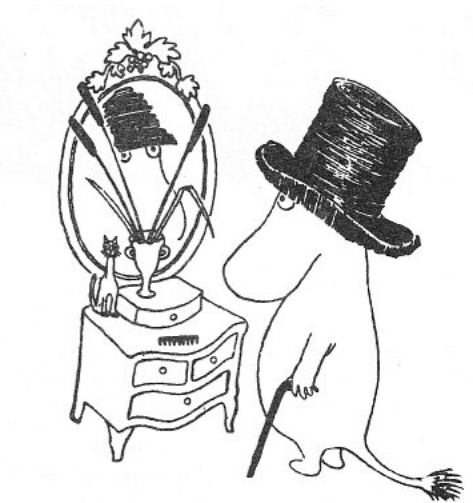
Муми-мама открыла дверь да так и застыла на пороге от удивления.

— Ну как, идет? — спросил Муми-папа.

— Идет-то идет, — отвечала Муми-мама. — У

тебя в ней очень мужественный вид. Вот разве что чуточку великовата.

— А так не лучше будет? — спросил Муми-папа и сдвинул шляпу на затылок.

— Мм... и так ничего, — сказала Муми-мама, — только, пожалуй, без шляпы ты выглядишь гораздо солиднее.

Муми-папа оглядел себя в зеркале и спереди и сзади, оглядел с боков и со вздохом положил шляпу на комод.

— Ты права, — сказал он. — Не шляпа красит человека, а человек шляпу.

— Не то хорошо, что хорошо, а что к чему идет, — добродушно заметила Муми-мама. — Ешьте побольше яиц, дети, ведь вы прожили на хвойных иголках целую зиму!

И она снова ушла на кухню.

— Но ведь должна же она на что-нибудь пригодиться! — не унимался Снифф. — Такая прекрасная шляпа!

— Используем ее вместо корзины для бумаг, — ответил Муми-папа и удалился наверх писать мемуары (большую книгу о своей бурной юности).

Снусмумрик поставил шляпу на пол между комодом и кухонной дверью.

— Ну вот, теперь у вас прибавилось обстановки, — сказал он, широко ухмыляясь: радость обладания вещами была ему совершенно чужда. Он вполне обходился старым платьем, которое носил с того момента, когда родился (где и как — неизвестно), и единственное, с чем он никогда не расставался, была губная гармошка.

— Покончите с завтраком, пойдем проведаем снорков, — сказал Муми-тролль и, прежде чем выйти в сад, бросил яичную скорлупу в новую

корзину для бумаг, потому что (иногда) он был очень аккуратный муми-тролль.

Гостиная опустела. А в углу, между комодом и дверью на кухню, осталась шляпа Волшебника с яичной скорлупой. И тут сотворилось чудо: яичная скорлупа начала преображаться.

Дело в том, что всякая вещь, если она достаточно долго пролежит в шляпе Волшебника, превращается в нечто совершенно иное — и никогда нельзя знать заранее, во что именно. Муми-папе ужасно повезло, что шляпа ему не подошла: побудь он в ней чуточку подольше — и только покровителю всех троллей и сниффов известно, какая участь его ожидала.

Муми-папа заработал лишь легкую головную боль (которая прошла после обеда). Зато яичные скорлупки, оставшиеся в шляпе, мало-помалу начали менять свой вид. Они сохранили белый цвет, но все росли и росли в размерах и стали мягкими и пухлыми. Немного погодя они целиком заполнили шляпу, а потом из шляпы выпорхнули пять маленьких круглых тучек. Они выплыли на веранду, мягко спустились с крыльца и повисли в воздухе над самой землей. А в шляпе Волшебника стало пусто.

— Это надо же! — сказал Муми-тролль.

— Уж не пожар ли? — обеспокоенно спросил Снорк.

Тучки неподвижно стояли перед ними и словно чего-то ждали.

Фрекен Снорк тихонечко протянула лапу и потрогала тучку, которая была к ней поближе.

— Совсем как вата! — удивленно сказала она.

Тут все придвинулись ближе и стали ощупывать тучки.

— Подушка, да и только, — сказал Снифф.

Снусмумрик осторожно толкнул одну из тучек. Она проплыла немного в воздухе и снова застыла на месте.

— Чьи они? — спросил Снифф. — Как они попали на веранду?

Муми-тролль только покачал головой в ответ.

— Таких чудес со мной еще не вытворялось, — сказал он. — Пожалуй, надо позвать маму.

— Нет, нет! — возразила фрекен Снорк. — Исследуем их сами. — Она прижала тучку к земле и погладила ее лапами. — Какая мяконькая! — В следующее мгновение она уже сидела на тучке и с хихиканьем подскакивала на ней.

— А я-то! А я-то! — завопил Снифф и мигом взобрался на другую тучку. — А ну давай!

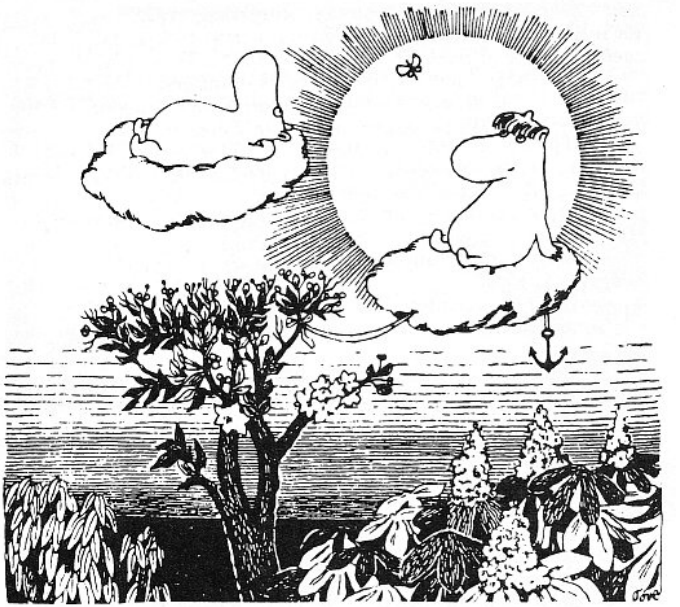
И только он крикнул: «А ну давай!» — как тучка

поднялась над землей и описала небольшую изящную дугу.

— О господи! — изумленно воскликнул Снифф. — Она движется!

Тут уж и все остальные взобрались каждый на свою тучку и закричали: «А ну давай! Гоп!»

Тучки, словно большие послушные кролики, парили над землей. Ими можно было управлять — это открытие сделал Снорк. Легкий нажим одной ногой — поворот. Обеими ногами — полный вперед. Чуть покачаешь тучку — и она набирает высоту.

Все это было страшно занятно. Расхрабрившись, они взлетали до верхушек деревьев и даже на крышу Муми-дома. А Муми-тролль остано-

вился на своей тучке перед окном Муми-папы и громко крикнул: «Кукареку!» (Ему просто не пришло в голову ничего более умного, в таком восторге он был.) Муми-папа выронил ручку и бросился к окну.

— Клянусь моим хвостом! — вырвалось у него. — Клянусь моим хвостом!

Больше он ничего не мог сказать.

— Из этого выйдет мировая глава для твоих мемуаров, — сказал Муми-тролль и, подрулив к кухонному окну, позвал маму. Но Муми-мама спешно готовила мясо с картошкой и луком, и ей было некогда.

— Что ты еще там придумал, золотко мое? — спросила она. — Смотри не упади!

А внизу в саду Снорк и Снусмумрик изобрели новую игру. Они с разгона сталкивались друг с другом, и кто сваливался на землю, тот проигрывал.

— Сейчас я тебе покажу! — кричал Снусмумрик, пришпоривая тучку. — А ну пошла!

Но Снорк ловко вильнул в сторону и коварно напал на него снизу. Тучка Снусмумрика накренилась, и он воткнулся головой в цветочную клумбу, да так, что шляпа налезла ему на нос.

— Третий раунд! — закричал Снифф — он был

судьей и парил чуть повыше противников. — Счет два — один! По местам! Готовы? Начали!

— Прокатимся немножечко вместе? — предложил Муми-тролль фрекен Снорк.

— С удовольствием, — ответила она и подрулила к нему. — А куда?

— Давай разыщем Хемуля. То-то он удивится!

Они облетели все излюбленные места Хемуля, но его нигде не было.

— Обычно он никогда не уходит из дому надолго, — сказала фрекен Снорк. — В последний раз, когда я его видела, он разбирал свои почтовые марки.

— Так ведь это было полгода назад, — заметил Муми-тролль.

— Ой, верно! — отозвалась фрекен Снорк. — Ведь мы же проспали всю зиму.

— И сладко тебе спалось? — спросил Муми-тролль.

Фрекен Снорк с изяществом перепорхнула через верхушку дерева и, немного подумав, ответила:

— Мне снился страшный сон. Какой-то противный дядька в черном цилиндре глядел на меня и усмехался.

— Странно, — сказал Муми-тролль. — И мне

то же самое снилось. А что, он был в белых перчатках?

— Вот-вот, — кивнула фрекен Снорк.

Они плавно парили между деревьями, думая о своем сне, и вдруг увидели Хемуля. Он брел по лесу, заложив руки за спину и уставившись носом в землю. Муми-тролль и фрекен Снорк спланировали вниз, пристроились у него по бокам и разом крикнули:

— С добрым утром!

— Ой! — вскрикнул Хемуль. — Ну и испугался же я! Разве вы не знаете, что мне нельзя устраивать такие сюрпризы? У меня сердце в пятки уходит.

— Ах, прости, — сказала фрекен Снорк. — А ты видишь, на чем мы едем?

— Диковина, ничего не скажешь, — ответил Хемуль. — Ну да уж мне не в новинку, что у вас что ни шаг — то диковина. А я вот захандрил.

— С чего бы это? — сочувственно спросила фрекен Снорк. — Хандрить в такой славный денек!

Хемуль покачал головой.

— Не поймете вы меня.

— Как-нибудь постараемся, — сказал Муми-тролль. — Опять потерял какую-нибудь

опечатку?

— Как раз нет, — мрачно ответил Хемуль. — У меня все цело. Все до единой марки. Моя коллекция совершенна.

— Ну так что же тогда? — подбодрила его фрекен Снорк.

— Я знал, что вы меня не поймете.

Муми-тролль и фрекен Снорк озабоченно переглянулись. Они поотстали от Хемуля из уважения к его горю и держались теперь позади. А Хемуль продолжал брести дальше. Они терпеливо выжидали, когда он поведает им свою печаль.

И вот немного погодя Хемуль воскликнул:

— Нет! Это бессмысленно…

А еще немного погодя сказал:

— К чему все, все? Можете использовать мою коллекцию вместо туалетной бумаги!

— Да что с тобой, Хемуль! — взволнованно воскликнула фрекен Снорк. — Ты прямо-таки кощунствуешь. У тебя самая лучшая коллекция марок на свете!

— В том-то и дело! — в отчаянии сказал Хемуль. — Она закончена! На свете нет ни одной марки, ни одной опечатки, которой бы у меня не было. Ни одной, ни одинешенькой. Чем же мне теперь заняться?

— Я, кажется, начинаю понимать, — медленно произнес Муми-тролль. — Ты перестал быть коллекционером, теперь ты всего-навсего обладатель, а это вовсе не так интересно.

— Да, — с убитым видом подтвердил Хемуль, — вовсе не интересно.

Он остановился и повернул к ним нахмуренное лицо.

— Милый Хемуль, — сказала фрекен Снорк и тихонько похлопала его по руке. — Я вот что надумала. Не начать ли тебе собирать что-нибудь другое, совсем другое?

— Это идея, — согласился Хемуль. Но морщины

по-прежнему не сходили с его лба: он попросту не мог радоваться после такого серьезного огорчения.

— Ну, скажем, бабочки? — предложил Муми-тролль.

— Это исключено, — сказал Хемуль, и лицо его помрачнело еще больше. — Бабочек коллекционирует мой двоюродный брат. А я терпеть его не могу.

— Ну а кинозвезды? — спросила фрекен Снорк.

Хемуль лишь презрительно фыркнул.

— Может быть, драгоценности? — с надеждой спросила фрекен Снорк. — Ведь драгоценностям никогда не будет конца!

— Тьфу! — только и сказал Хемуль.

— Ну больше я ничего не могу придумать, — молвила фрекен Снорк.

— Ладно, что-нибудь мы тебе подберем, — утешил его Муми-тролль. — Уж мама-то наверняка сумеет. Да, кстати, ты не видал Ондатра?

— Он еще спит, — грустно ответил Хемуль. — Он считает, что незачем вставать так рано, и, в сущности, он прав.

И Хемуль в одиночестве побрел дальше по лесу.

А Муми-тролль и фрекен Снорк поднялись над

верхушками деревьев и, плавно покачиваясь, поплыли в солнечном блеске. При этом они не переставая думали о том, что бы предложить Хемулю для коллекционирования.

— Может быть, раковины? — сказала фрекен Снорк.

— Или пуговицы от штанов? — сказал Муми-тролль.

Когда они вернулись домой обедать. Хемуль поджидал их на крыльце. Он весь так и сиял от радости.

— Ну? — спросил Муми-тролль. — На чем же ты остановился?

— Растения! — воскликнул Хемуль. — Займусь ботаникой. Это меня Снорк надоумил. Соберу самый замечательный гербарий на свете!

И он развернул полы юбки[1] и показал свою первую добычу. Это был тоненький стебелек гусиного лука, облепленный комьями земли и листьями.

— Gagea lutea, — гордо сказал Хемуль. — Номер первый в коллекции. Безупречный экземпляр.

Он вошел в дом и вывалил содержимое юбки

---

[1] Примечания: 1

Хемуль всегда ходил в платье, унаследованном от тетки. Подозреваю, что все хемули ходят в юбках. Странно, но факт. (Здесь и далее примеч. автора.)

на обеденный стол.

— Ступай-ка в уголок, — сказала Муми-мама. — Здесь будет стоять суп. Ну как, все в сборе? Ондатр еще спит?

— Без задних ног, — высказался Снифф.

— Веселый был сегодня денек? — спросила Муми-мама, наполняя тарелки.

— Ужасно веселый! — хором ответило все Муми-семейство.

Когда наутро Муми-тролль пошел выпустить тучки из дровяного сарая, их там не оказалось. И никому в голову не пришло, что они имеют какое-либо отношение к пяти яичным скорлупкам, которые как ни в чем не бывало снова лежали в шляпе Волшебника.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

в которой рассказывается о том, как Муми-тролль превратился в страшилище и в конце концов отомстил муравьиному льву, а также о таинственном ночном похождении Муми-тролля и Снусмумрика

Как-то тихим теплым днем, когда над долиной шел летний дождь, обитатели Муми-дома решили сыграть в прятки.

Снифф отошел в угол, закрыл лапами лицо и стал громко считать до десяти. Затем повернулся и начал искать, сперва в обычных потайных местечках, а потом в необычных.

Муми-тролль спрятался под столом на веранде, но на душе у него было неспокойно: слишком уж неподходящее место он выбрал, это факт. Снифф непременно приподымет скатерть, и тогда он пропал. Муми-тролль отчаянно шарил глазами вокруг, и тут его взгляд упал на цилиндр, который кто-то задвинул в угол веранды.

Лучше и не придумаешь! Снифф ни за что не догадается искать его под шляпой. Муми-тролль быстро и бесшумно прополз в угол и натянул на

себя шляпу. Она доходила ему лишь до живота, но это ничего. Он присядет, подберет хвост и станет совсем невидим.

Муми-тролль знай себе похихикивал, слыша, как Снифф одного за другим отыскивает участников игры. Хемуль, похоже, опять спрятался под диван, на лучшее у него просто не хватает воображения. Ну а вот теперь все гурьбой бегают по дому и ищут его, Муми-тролля.

Он все ждал и ждал, и лишь когда его взяло опасение, что им надоест искать, вылез из шляпы, просунул голову в дверь и сказал:

— Я тута!

Снифф посмотрел на него каким-то странно долгим взглядом, потом с поразительным дружелюбием ответил:

— Я сам тута.

— Это кто такой? — прошептала фрекен Снорк.

Остальные лишь покачали головами и продолжали пристально рассматривать Муми-тролля.

Бедняжка Муми-тролль! В шляпе Волшебника он превратился в очень странное на вид существо. Все, что было у него округлым, стало узким, все маленькое — большим. А самым поразительным было то, что только он один не видел, каким он стал.

— Во как вы все удивились, — сказал Муми-тролль, делая неуверенный шаг вперед на длинных шатучих ногах. — Вам ни за что не до-

гадаться, где я был!

— А нам и дела нет, — сказал Снорк. — Ну а что мы удивились, так это верно, тут кто угодно удивится, такой у тебя мерзкий вид.

— Чего вы на меня надулись? — жалобно спросил Муми-тролль. — А, понятно, вам слишком долго пришлось искать! Что же делать теперь?

— По-моему, прежде всего ты должен представиться, — холодно заметила фрекен Снорк. — Ведь мы знать не знаем, кто ты такой.

Муми-тролль уставился на нее в оба глаза, но тут у него мелькнула мысль, что это наверняка какая-то новая игра. Он весело рассмеялся и сказал:

— Я король Калифорнии!

— А я сестра Снорка, — сказала фрекен Снорк. — Вот это мой брат.

— А меня зовут Снифф, — сказал Снифф.

— А я — Снусмумрик, — сказал Снусмумрик.

— Фу, какие вы нудные, — сказал Муми-тролль. — Не могли выдумать ничего оригинальнее. Пошли во двор, погода, кажется, проясняется.

Он спустился с крыльца, и все последовали за ним, удивленные и полные недоверия.

— Кто это? — спросил Хемуль, сидевший возле

дома и считавший тычинки в подсолнухе.

— Король Калифорнии, — нерешительно ответила фрекен Снорк.

— Он что, будет жить с нами? — спросил Хемуль.

— Это должен решить Муми-тролль, — сказал Снифф. — Ума не приложу, куда он запропастился.

— Нет, порой ты и вправду бываешь занятный! — расхохотался Муми-тролль. — Подумать только — мы должны искать Муми-тролля!

— А ты с ним знаком? — спросил Снусмумрик.

— Ха-ха-ха! — закатывался Муми-тролль. — Нашел о чем спрашивать! Очень даже знаком, правда-правда!

Казалось, еще немного — и он лопнет от восторга, так нравилась ему новая игра. Да к тому же он полагал, что великолепно выдерживает свою роль.

— Когда же ты с ним познакомился? — спросила фрекен Снорк.

— Мы родились одновременно, — отвечал Муми-тролль, не в силах сдержать рвущееся наружу веселье. — Это такой негодник! Его просто нельзя пускать в порядочный дом!

— Не смей так говорить о Муми-тролле! — вски-

пела фрекен Снорк. — Он самый лучший тролль на свете, и мы все ужасно любим его!

Муми-тролль не помнил себя от восторга.

— В самом деле? — сказал он. — Ну а на мой взгляд, он сущий разбойник, да и только!

Фрекен Снорк разревелась.

— А ну вали отсюда, — грозно сказал Снорк. — Не то мы тебя так отдубасим, что своих не узнаешь!

Муми-тролль опешил.

— Ну, ну, — сказал он. — Ведь это всего-навсего игра. Я страшно рад, что вы так меня любите.

— Никто тебя не любит! — пронзительно крикнул Снифф. — Бей его, ребята! Гнать отсюда гадкого короля, пусть знает, как наговаривать на нашего Муми-тролля!

И все скопом набросились на бедняжку. Он был слишком ошеломлен, чтобы защищаться, а когда вошел в раж, было уже поздно: он лежал в самом низу галдящей кучи малы, во все стороны махавшей руками, лапами и хвостами.

Тут на крыльцо вышла Муми-мама.

— Что с вами, дети? — крикнула она. — Прекратить сию же минуту!

— Даем взбучку королю Калифорнии! — всхлипнула фрекен Снорк. — Так ему и надо!

Муми-тролль выбрался из кучи малы рассерженный и обессилевший.

— Мама! — крикнул он. — Они первые начали! Трое против одного — это несправедливо!

— Согласна, — серьезно ответила Муми-мама. — Но ты, несомненно, раздразнил их. Кстати сказать, кто ты такой, малыш?

— Прекратите эту глупую игру! — крикнул Муми-тролль. — С вами совсем неинтересно играть! Я Муми-тролль, а вот моя мама. Слышите?

— Никакой ты не Муми-тролль, — презрительно сказала фрекен Снорк. — У Муми-тролля такие славные маленькие ушки, а у тебя вон какие лопушищи!

Муми-тролль в смятении схватился за голову и нащупал пару большущих, в складках ушей.

— Но ведь я же Муми-тролль! — в отчаянии крикнул он. — Неужели вы мне не верите?

— У Муми-тролля такой маленький, аккуратненький хвостик, а у тебя хвостище, как щетка для чистки ламп, — сказал Снорк.

Увы, это было так! Муми-тролль убедился в этом, ощупав себя сзади дрожащими лапами.

— У тебя глазищи словно тарелки, — сказал Снифф. — А у Муми-тролля такие маленькие приветливые глазки.

— Совершенно верно, — подтвердил Снусмумрик.

— Ты самозванец, — заключил Хемуль.

— Неужели никто мне не верит? — воскликнул Муми-тролль. — Мамочка, погляди на меня, уж ты-то должна узнать свое Муми-дитя.

Муми-мама поглядела в его испуганные глаза-тарелки, она глядела в них долго-долго и наконец сказала:

— Да, это Муми-тролль.

И не успела она это промолвить, как Муми-тролль начал преображаться. Его глаза, уши и хвост уменьшились, а нос и живот увеличились. И вот уже перед ними стоит Муми-тролль во всем своем великолепии, такой, каким был.

— Иди же, я обниму тебя, — сказала Муми-мама. — Уж моего-то маленького Муми-сына я узнаю всегда, что бы ни случилось.

Немного погодя в тот же день Муми-тролль и Снорк сидели в одном из своих потайных местечек — под кустом жасмина в круглом гроте из зеленой листвы, укрывавшей их со всех сторон.

— Да, но ведь кто-то же тебя заколдовал, иначе быть не может, — сказал Снорк.

Муми-тролль отрицательно покачал головой.

— Я не видел ничего особенного, — ответил

он. — Ничего такого не ел, не произносил никаких опасных слов.

— А не попал ли ты, случаем, в заколдованный круг? — предположил Снорк.

— Не знаю, — ответил Муми-тролль. — Я все время сидел под черной шляпой, которая у нас вместо корзины для бумаг.

— В шляпе? Внутри? — переспросил Снорк, словно осененный догадкой.

— Ну да.

Они задумались и некоторое время сидели молча, потом разом воскликнули:

— Все ясно, в ней-то и дело!

И пристально посмотрели друг на друга.

— Пошли! — сказал Снорк.

Они поднялись на веранду и осторожно приблизились к шляпе.

— Очень даже обыкновенная шляпа, — сказал Снорк. — Разумеется, если не принимать во внимание, что цилиндр, вообще-то говоря, шляпа очень даже необыкновенная.

— Но как узнать, что это она все наделала? — спросил Муми-тролль. — Я в нее больше не полезу!

— Может, заманим туда кого-нибудь? — предложил Снорк.

— Но ведь это подло! — возразил Муми-тролль. — Почем знать, а вдруг этот кто-нибудь уже не превратится в самого себя?

— А если взять врага?

— Гм… — отозвался Муми-тролль. — Кого именно?

— Дикобраза, — сказал Снорк.

Муми-тролль потряс головой.

— Дикобраз слишком велик.

— Ну тогда муравьиного льва.

— Этот подойдет, — одобрил Муми-тролль. — Муравьиный лев затащил раз мою маму в нору и насыпал ей в глаза песку.

Они нашли большую банку и отправились к морю: как раз там, на песчаном берегу, устраивает свои коварные норы муравьиный лев. Вскоре Снорк нашел большую круглую яму и отчаянно замахал Муми-троллю.

— Он тут! — прошептал Снорк. — Только как мы заманим его в банку?

— Это я возьму на себя, — шепотом ответил Муми-тролль.

Он взял банку, закопал ее в песок отверстием вверх и громко сказал:

— Жалкие козявки эти муравьиные львы.

После чего сделал Снорку знак, и оба выжидающе уставились в яму. Песок на ее дне зашевелился, но никто не показывался.

— Просто жалкие козявки! — повторил Муми-тролль. — Даже в песок они зарываются часами, копуши!

— Так-то оно так, но… — с сомнением начал Снорк.

— Да что там! — перебил Муми-тролль, делая ему яростные знаки ушами. — Просто копуши!

И в то же мгновение из ямы в песке высунулась

грозная голова с выпученными глазами.

— Копуши, говоришь? — прошипел муравьиный лев. — Да я закапываюсь в песок за три секунды!

— Тогда, может, дяденька лев покажет нам, как это делается, вот мы и поверим, — вкрадчиво произнес Муми-тролль.

— Я и вас засыплю песком! — сердито сказал муравьиный лев. — И когда вы окажетесь в моей норе, я вас съем!

— Пожалуйста, не надо! — испуганно сказал Снорк. — Лучше покажите нам, как вы умеете закапываться задом наперед за три секунды!

— Сделайте это вот тут, тогда мы лучше увидим, — сказал Муми-тролль и показал на то место, где была закопана банка.

— Неужели вы думаете, у меня только и забот, что проделывать фокусы перед всякой малышней? — сказал муравьиный лев, но соблазн показать свою силу и ловкость был слишком велик. Презрительно фыркая, он выбрался из ямы и надменно спросил: — Ну, где я должен зарыться?

— Вот тут, — показал Муми-тролль.

Муравьиный лев пожал плечами и устрашающе взъерошил гриву.

— Так смотрите же, крошки-малявки! — крик-

нул он. — Сейчас я уйду под землю, а как вернусь, съем вас! Раз, два, три!

И, вращаясь словно пропеллер, муравьиный лев задом наперед ушел в песок, прямо в банку. Это и вправду произошло за три секунды, а может, чуть быстрее — за две с половиной, потому что лев ужасно рассердился.

— Крышку, живо! — крикнул Муми-тролль.

Они расшвыряли над банкой песок и крепконакрепко завинтили крышку. Потом вынули банку и покатили ее домой. Муравьиный лев кричал и сыпал проклятиями, но толстый слой песка заглушал его голос.

— Он рвет и мечет, — сказал Снорк. — Страшно подумать, что будет, если он выберется наружу!

— Не выберется, — спокойно отвечал Муми-тролль. — когда выберется, то, надеюсь, в преображенном виде, каким-нибудь страшилой.

Подойдя к дому, Муми-тролль сунул лапы в рот и издал три долгих свистка (что означало: произошло неслыханное событие). Друзья сбежались к нему со всех сторон и сгрудились вокруг банки.

— Что там у вас? — спросил Снифф.

— Муравьиный лев, — гордо отвечал Муми-тролль. — Самый взаправдашний злющий муравьиный лев, мы поймали его.

— Подумать только, какие вы смелые! — с восхищением сказала фрекен Снорк.

— А теперь мы хотим пересадить его в шляпу, — сказал Снорк.

— Чтобы он превратился в страшилище, как случилось со мной, — сказал Муми-тролль.

— Говори прямо, если хочешь, чтобы тебя понимали, — сказал Хемуль.

— Ну, стало быть, я спрятался в цилиндр, оттого и преобразился, — пояснил Муми-тролль. — А теперь хотим поставить контрольный опыт — посмотреть, превратится ли муравьиный лев во что-нибудь.

— Но ведь он может превратиться в кого угодно! — воскликнул Снифф. — И станет еще страшнее, чем муравьиный лев! Вот возьмет и съест всех нас!

Некоторое время все стояли в боязливом молчании, разглядывая банку и слушая приглушенные вопли, доносившиеся изнутри.

— Ой! — сказала фрекен Снорк. — Ой! — И совершенно обесцветилась.[2]

— А мы спрячемся под столом, пока он будет преображаться, а шляпу прикроем толстой

---

[2] Примечания: 2

Снорки часто меняют окраску при душевном волнении.

книгой, — предложил Снусмумрик. — Кто экспериментирует, тот всегда рискует. Валите его в шляпу!

Снифф метнулся под стол. Муми-тролль, Снусмумрик и Хемуль держали банку над шляпой Волшебника, а фрекен Снорк осторожно отвинчивала крышку. В вихрях песка муравьиный лев провалился в шляпу, и Снорк тут же прикрыл шляпу словарем иностранных слов. После этого все кучей бросились к столу и спрятались под ним. Но ничего особенного не произошло.

Они выглядывали из-под скатерти и ждали. Их беспокойство все возрастало. Но в шляпе все было тихо.

— Все это ерунда, — сказал Снифф.

И как раз в это мгновение словарь иностранных слов начал съеживаться. Снифф от волнения укусил Хемуля за палец.

— Осторожно! — сердито сказал Хемуль. — Ты укусил меня за палец.

— Ой, прости, — сказал Снифф. — Я думал, это мой палец.

А словарь съеживался и съеживался. Его страницы походили теперь на увядшие листья. Иностранные слова вылезли из него и расползлись по полу.

— Это надо же! — сказал Муми-тролль.

И вдруг что-то произошло. С полей шляпы закапало. Полилось. Вода потоками выплескивалась на ковер, и иностранным словам пришлось искать спасения на стенах.

— Муравьиный лев превратился в воду, и все, — разочарованно сказал Снусмумрик.

— А мне кажется, это песок стал водой, — прошептал Снорк. — Сейчас появится и сам лев.

Снова потянулось невыносимое ожидание. Фрекен Снорк спрятала голову на груди Муми-тролля, Снифф попискивал от страха. И вот на полях шляпы показался ежик — наверное, самый маленький ежик на свете. Весь взъерошенный, мокрый, он поводил носом во все стороны, подслеповато щуря глаза.

Несколько секунд в комнате стояла мертвая тишина. А потом Снусмумрик расхохотался. Когда он остановился перевести дух, остальные продолжили за него. Все не то что смеялись, а буквально ревели и катались от радости под столом. Не смеялся один только Хемуль. Он с удивлением поглядел на своих друзей и сказал:

— Да, но ведь мы и так знали, что муравьиный лев преобразится! Ума не приложу, чего вы всегда поднимаете столько шуму из-за самых обыкновенных вещей.

А ежик тем временем с торжественным и чуточку печальным видом прошествовал к выходу и спустился с крыльца. Вода перестала лить из шляпы и лужей растеклась по полу веранды. А весь потолок кишел иностранными словами.

Когда о случившемся рассказали Муми-папе и Муми-маме, они отнеслись к происшествию очень серьезно и решили, что шляпу Волшебника

надо уничтожить. Ее осторожно скатили вниз к реке и сбросили в воду.

— Теперь понятно, откуда взялись тучки и страшилище, — сказала Муми-мама, стоя на берегу и глядя, как шляпа уплывает вниз по течению.

— А что, тучки-то были мировые, — сказал несколько расстроенный Муми-тролль. — Пускай бы их было еще больше.

— Ну да, а также воды и иностранных слов, — сказала Муми-мама. — Боже, что стало с верандой! Ума не приложу, как теперь избавляться от этой ползучей мелюзги. Путается везде под ногами, и никакого порядка в доме!

— Все равно тучки были мировые, — упорствовал Муми-тролль.

Вечером ему не спалось. Он лежал и смотрел в светлую июньскую ночь, полную одиноких криков, плясок и шороха крадущихся шагов. Благоухали цветы.

Снусмумрик еще не возвращался. В такие ночи он часто бродил один со своей губной гармошкой. Но в эту ночь его песен не было слышно. Наверное, он отправился в путешествие, делать какие-нибудь открытия. Скоро он разобьет на речном берегу палатку и совсем перестанет ночевать дома… Муми-тролль вздохнул. Ему было

грустно, хотя тужить было не о чем.

Тут под окошком раздался негромкий свист, и сердце Муми-тролля так и подпрыгнуло от радости. Он тихонько подошел к окну и выглянул наружу. Свист означал: совершенно секретно! Внизу у веревочной лестницы стоял Снусмумрик.

— Ты умеешь хранить тайны? — шепотом спросил он, когда Муми-тролль спустился вниз.

Муми-тролль с жаром потряс головой.

Снусмумрик склонился к нему и сказал еще тише:

— Шляпу вынесло на сушу, на песчаную отмель чуть ниже по реке.

В глазах Муми-тролля сверкнул огонек.

— Ты согласен? — спросил Снусмумрик простым поднятием бровей.

— Еще бы! — отвечал Муми-тролль чуть заметным шевелением ушей.

Словно тени, проскользнули они росистым садом к реке.

— Это за две излучины отсюда, — понизив голос, сказал Снусмумрик. — Собственно говоря, спасти ее — наш долг; вода, которая в нее затекает, становится красной. Все, кто живет вниз по течению, в ужас придут от этой жуткой воды.

— Нам следовало подумать об этом с самого начала, — сказал Муми-тролль. Он был горд и рад, что ему довелось выйти вот так ночью вместе со Снусмумриком. Прежде Снусмумрик всегда уходил в свои ночные странствия один.

— Где-то здесь, — сказал Снусмумрик. — В том месте, где в воде начинается темная полоса. Видишь?

— Не очень, — отвечал Муми-тролль, который шел в полутьме, спотыкаясь на каждом шагу. — Я не так хорошо вижу ночью, как ты.

— Не представляю, как мы ее достанем, — размышлял вслух Снусмумрик, остановившись на берегу и глядя на реку. — Как жалко, что у твоего отца нет лодки.

Муми-тролль задумался.

— Я не так уж плохо плаваю, — сказал он наконец. — Если только вода не слишком холодная.

— Куда тебе! — с недоверием сказал Снусмумрик.

— А вот возьму и поплыву, — сказал Муми-тролль, и всю его робость как рукой сняло. — В какой это стороне?

— Вон там, наискосок, — ответил Снусмумрик. — Ты очень скоро нащупаешь дно отмели. Только смотри не суй в шляпу лапы. Бери

за тулью.

Муми-тролль скользнул в теплую воду и по-собачьи поплыл по реке. Течение здесь было сильное, и сначала он чувствовал себя неуверенно. Но вот он увидел отмель, а на ней что-то черное. Он подрулил хвостом и тотчас же нащупал лапами дно.

— Ну как, порядок? — негромко окликнул его с берега Снусмумрик.

— Порядок! — отозвался Муми-тролль и выбрался на отмель.

От шляпы вниз по течению тянулась темная струя. Это и была та волшебная красная вода, о которой говорил Снусмумрик. Муми-тролль сунул в нее лапу и осторожно лизнул.

— Это надо же! — пробормотал он. — Ведь это фруктовый сок! Подумать только, теперь стоит зачерпнуть шляпой воды, и у нас будет сколько угодно фруктового сока!

И, не помня себя от восторга, он издал свой самый радостный воинственный клич: «Пи-хо!»

— Ну что, нашел? — озабоченно спросил Снусмумрик.

— Плыву обратно! — ответил Муми-тролль и вновь вошел в воду, крепко обвив шляпу хвостом.

Плыть против течения, буксируя за собой тяже-

лую шляпу, было нелегко, и, достигнув берега, он почувствовал ужасную усталость.

— Вот, — тяжело переводя дух, гордо промолвил он.

— Молодец, — сказал Снусмумрик. — Но где же нам ее спрятать?

— Во всяком случае, не в Муми-доме, — ответил Муми-тролль. — Да и в саду вряд ли можно. Ее могут найти.

— А что, если в гроте? — сказал Снусмумрик.

— Тогда придется посвятить в тайну Снифф, — сказал Муми-тролль. — Ведь грот-то его.

— Место самое подходящее, — раздумчиво сказал Снусмумрик. — Но Снифф слишком мал, чтобы доверить ему такую важную тайну.

— Верно, — серьезно согласился Муми-тролль. — А знаешь, ведь нам впервые приходится делать что-то втайне от папы и мамы.

Снусмумрик взял шляпу в охапку и пустился в обратный путь по берегу реки. Дойдя до моста, он вдруг остановился.

— Что ты? — встревоженно прошептал Муми-тролль.

— Канарейки! — ответил Снусмумрик. — Вон там на перилах три желтых канарейки. Чудно, что они ночуют не дома.

— Никакая я не канарейка, — пропищала одна, та что была к ним поближе. — Я плотвичка.

— Мы все самые порядочные рыбы! — проверещала ее подруга.

Снусмумрик сокрушенно покачал головой.

— Вот видишь, каких дел натворила шляпа, — сказал он. — Рыбешки, как видно, ничего не подозревая, заплыли в нее и преобразились. Так что давай-ка двинем прямо к гроту и спрячем ее там!

Идя лесом, Муми-тролль все теснее жался к Снусмумрику. С обеих сторон тропинки слышались шорохи и шелест крадущихся шагов, веяло жутью. Временами из-за стволов деревьев выглядывали маленькие светящиеся глаза, временами кто-то окликал их с земли или из древесных кущ.

— Ах, какая чудная ночь! — раздавался голос прямо за спиной Муми-тролля.

— Замечательная! — набравшись духу, вторил он, и чья-то маленькая тень проскользнула мимо него в полутьме.

На побережье было светлее. Море и небо сливались в сплошное бледно-голубое мерцающее пространство. Издали доносились одинокие призывные крики птиц. Близилось утро. Снусмумрик

и Муми-тролль забрались в грот и поставили шляпу тульей вверх в самый укромный уголок, чтобы в нее ничто нечаянно не попало.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

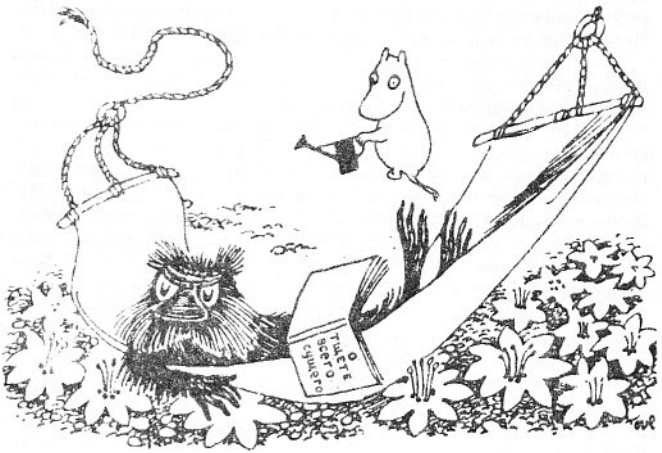
в которой описывается, как Ондатр ушел от мира и пережил нечто неописуемое, как «Приключение» занесло Муми-семейство на остров хатифнаттов, где Хемуль чуть не сгорел, и как над путешественниками разразилась сильная гроза

Наутро следующего дня, когда Ондатр по обыкновению вышел полежать с книгой в гамаке, веревка оборвалась, и он рухнул на землю.

— Я этого не прощу! — сказал Ондатр, выпутываясь из одеяла.

— Ах, какая досада, — сказал Муми-папа, поливавший саженцы табака. — Надеюсь, вы не ушиблись?

— Не в том суть, — мрачно отвечал Ондатр, дергая себя за ус. — По мне, хоть земля тресни и огонь сойди с небес — мне дела нет. Это не из тех событий, которые могут смутить мой душевный покой. Но я терпеть не могу, когда меня ставят в смешное положение. Это роняет мое достоинство философа!

— Но ведь только я один и видел, как вы грохнулись, — сказал Муми-папа.

— Как будто этого мало, — сказал Ондатр. — Извольте вспомнить, чего только не натерпелся я в вашем доме! В прошлом году, например, на нас падала комета. Это ничего не значит. Зато вы, наверное, помните, что я уселся тогда на

шоколадный торт вашей супруги. Это было чрезвычайно унизительно для моего достоинства. Ваши гости подкладывают щетки в мою постель — очень глупая шутка. Не говоря уже о вашем сыне Муми-тролле, который…

— Знаю, знаю, — с виноватым видом упредил его Муми-папа. — Да, конечно, дом у нас неспокойный. Ну и веревки с годами перетираются…

— Не смеют они этого делать! — сказал Ондатр. — Пусть бы я до смерти убился — это, разумеется, ничего не значит. Ну а если бы меня видели ваши молодые люди? Что тогда? Нет уж, лучше брошу все и снова уйду от мира, буду жить в покое и одиночестве. Это мое твердое решение.

— О! — с глубоким уважением произнес Муми-папа. — Где же вы намерены поселиться?

— В гроте, — ответил Ондатр. — Там никто не нарушит ход моих мыслей глупыми шутками. Еду будете присылать мне два раза в день. Но не раньше десяти часов.

— Хорошо, — сказал Муми-папа, склонив голову. — Поставить вам там какую-нибудь мебель?

— Это можно, — уже чуточку полюбезнее отвечал Ондатр. — Только самую простую. Я понимаю, вы желаете мне добра, но так или иначе ваше семейство вывело меня из терпения.

Он забрал книгу и одеяло и медленно побрел вверх по склону. Муми-папа повздыхал немножко, а потом снова принялся поливать табак и вскорости обо всем позабыл.

Ондатр пришел в грот очень довольный. Он расстелил на песке одеяло, уселся и стал думать. Думал он не переставая не меньше двух часов подряд. В гроте царили тишина и покой, сквозь расщелину в потолке заглядывало солнце, мягко озаряя место его уединения. Время от времени, когда сноп солнечного света уходил от Ондатра, тот тихонько подвигался следом за ним.

«Тут я останусь навсегда, навсегда, — думал он. — Как все это бессмысленно — болтаться по разным местам, болтать лишнее, строить дома, заниматься стряпней и обзаводиться собственностью!»

Умиротворенный, оглядел он свое новое жилище и увидел шляпу Волшебника, которую

спрятали в самом дальнем углу Муми-тролль и Снусмумрик.

«Корзина для бумаг, — отметил он про себя. — Так, стало быть, она здесь. Ну что ж, на что-нибудь да сгодится».

Он подумал еще немного и решил вздремнуть. Завернулся в одеяло, положил в шляпу свои вставные зубы, чтобы не обвалять их в песке, и тихо-мирно заснул.

А в Муми-доме тем временем завтракали, и на завтрак были оладьи — золотистые оладьи с малиновым вареньем. Еще была вчерашняя каша, но на нее никто не польстился, и кашу решили оставить на завтра.

— Сегодня мне хочется чего-то необыкновенного, — сказала Муми-мама. — Мы избавились от зловредной шляпы — это событие надо отпраздновать. Да и надоедает все время сидеть на одном месте.

— Что верно, то верно! — сказал Муми-папа. — Прогуляться нам не помешало бы. Как вы на это смотрите?

— Мы уже во всех местах побывали, ни одного нового не найдется! — сказал Хемуль.

— Должно найтись, — сказал Муми-папа. — А нет, так мы его выдумаем. Кончайте есть, малы-

ши, — еду забираем с собой.

— А можно доесть то, что уже во рту? — спросил Снифф.

— Не валяй дурака, — сказала Муми-мама. — Быстренько соберите все необходимое. Папа хочет немедленно тронуться в путь. Только не берите ничего лишнего. Да, еще вот что: надо написать записку Ондатру, чтобы он знал, где мы.

— Боже мой! — воскликнул Муми-папа и схватился за голову. — Совсем забыл! Надо отнести ему в грот что-нибудь из мебели и поесть!

— В грот?! — разом вскрикнули Муми-тролль и Снусмумрик.

— Ну да, у гамака оборвалась веревка, — пояснил Муми-папа, — и Ондатр сказал, что у него нет возможности больше думать и он хочет от всего отказаться. Дескать, вы подкладывали щетки в его постель, и все такое прочее. Вот он и перебрался в грот.

Муми-тролль и Снусмумрик побледнели и обменялись взглядами, в которых читалась одна и та же ужасная мысль: «Шляпа!»

— Полагаю, все это не так страшно, — сказала Муми-мама. — Мы прогуляемся к морю и заодно принесем Ондатру поесть.

— Мы столько раз бывали у моря, — захныкал

Снифф. — Неужели нельзя поехать куда-нибудь еще?

— Тихо, малыши! — твердо сказал Муми-папа. — Мама хочет купаться. Отправляемся сию минуту!

Муми-мама бросилась собирать вещи в дорогу. Она брала с собой одеяла, кастрюли, бересту на растопку, кофейник, массу еды, подсолнечное масло, спички и все то, на чем, в чем и чем едят. Она укладывала зонтик, теплую одежду, порошки от расстройства желудка, подушки, сетки от комаров, плавки, скатерть и свою сумку. Она страшно суетилась, припоминала, не забыла ли чего, и наконец сказала:

— Ну вот, теперь, кажется, все! Ах, как это чудесно — побывать у моря!

Муми-папа взял свою трубку и удочку.

— Ну как, готовы? — спросил он. — Ничего не забыли? Выходим!

И они тронулись в путь. Последним шел Снифф, таща за собой шесть маленьких игрушечных лодочек.

— Как по-твоему, успел Ондатр натворить дел? — шепотом спросил Муми-тролль у Снусмумрика.

— Будем надеяться, нет! — шепотом отвечал

Снусмумрик. — Только у меня все равно душа не на месте.

Тут все остановились, да так внезапно, что папа чуть не угодил Хемулю удочкой в глаз.

— Кто это так кричит?.. — взволнованно воскликнула Муми-мама.

Лес сотрясался от дикого крика. Кто-то во весь опор мчался прямо в их сторону, подвывая не то от страха, не то от ярости.

— Прячьтесь! — крикнул Муми-папа. — Это какое-то чудовище!

Но не успели они броситься наутек, как показался Ондатр с вытаращенными глазами и встопорщенными усами. Он отчаянно размахивал лапами и нес какую-то несусветицу, никто не понимал, что он хочет сказать. Ясно было одно: то ли он рассердился, то ли испугался, то ли рассердился оттого, что испугался. Не останавливаясь, промчался он мимо них по направлению к Муми-долу.

— Что с ним? — спросила потрясенная Муми-мама. — Ведь он всегда такой степенный, держится с таким достоинством.

— Так убиваться из-за того, что порвалась веревка у гамака, — сказал Муми-папа и покачал головой.

— А по-моему, он рассердился оттого, что мы забыли принести ему поесть, — сказал Снифф, — и теперь его доля достанется нам.

В тревожных догадках пошли они дальше. А Муми-тролль и Снусмумрик незаметно ушли вперед и кратчайшим путем направились к гроту.

— Входить через вход нельзя, — сказал Снусмумрик. — Вдруг оно все еще там. Заберемся на скалу и посмотрим через расщелину.

В молчании вскарабкались они на скалу и, как индейцы, подползли к расщелине. Затем с величайшей осторожностью заглянули в грот. Шляпа Волшебника стояла на месте — пустая. В одном углу валялось одеяло, в другом — книга. В гроте никого не было.

Но весь песчаный пол грота был испещрен какимито странными следами, словно в нем кто-то плясал и скакал.

— Это не следы лап Ондатра! — сказал Муми-тролль.

— Сомневаюсь, лапы ли это вообще, — сказал Снусмумрик. — Уж больно странно они выглядят!

Приятели спустились со скалы, боязливо озираясь по сторонам.

Но ничего страшного они не увидели.

Что именно приключилось с Ондатром, осталось навеки покрытым тайной, потому что сам Ондатр решительно отказывался говорить на эту тему.[3]

Тем временем остальные уже добрались до берега моря и кучкой стояли у воды, оживленно болтая и жестикулируя.

— Они нашли лодку! — воскликнул Снусмумрик. — А ну, бежим смотреть!

Это была сущая правда. Их взору предстала большая, настоящая парусная лодка, выкрашенная в лиловый и белый, с обшивкой кромка на кромку, с веслами и рыбным садком!

— Чья это? — еще не отдышавшись, спросил Муми-тролль.

— Ничья! — торжествующе ответил Муми-папа. — Ее прибило к нашему берегу, а по закону, кто первый нашел остатки кораблекрушения, тому они и принадлежат. Значит, она наша!

— Ей надо дать имя! — воскликнула фрекен Снорк. — Что, если назвать ее «Дорогуля»? Прелесть какое имя!

— «Дорогулю» оставь для себя, — презрительно отозвался Снорк. — Предлагаю назвать ее

---

[3] Примечания: 3

Если хочешь знать, во что превратились вставные зубы Ондатра, спроси у мамы. Она знает.

«Орел».

— Нет, тут непременно нужна латынь! — воскликнул Хемуль. — «Muminates Maritima»!

— Я первый ее увидел! — вскричал Снифф. — Мне и выбирать! Назовем ее «Снифф» — коротко и ясно. Будет жутко забавно!

— Что жутко, так это точно, — издевательски заметил Муми-тролль.

— Тихо, дети! — сказал Муми-папа. — Тихо. Разве не ясно, что название лодки должна выбрать мама? Ведь это она вытащила нас на прогулку.

Муми-мама так вся и зарделась.

— Куда уж мне, — застенчиво сказала она. — Вот Снусмумрик — тот действительно имеет богатое воображение. Уж конечно он придумает название лучше меня.

— Право, не знаю, — сказал польщенный Снусмумрик. — По правде говоря, первое, что мне пришло в голову, это «Крадущийся волк» — исключительно стильно.

— Нет, — сказал Муми-тролль, — пусть мама выберет.

— Хорошо, мое золотко, — сказала Муми-мама. — Только не говорите потом, что я глупа и старомодна. Мне казалось, имя лодки должно напоминать нам о том, что она нам даст, ну я и по-

думала, что ее следует назвать «Приключение».

— Здорово! — сказал Муми-тролль. — Давайте так и назовем ее и отпразднуем это! Мамочка, есть у тебя что-нибудь, что могло бы сойти за шампанское?

Муми-мама обшарила все свои корзины.

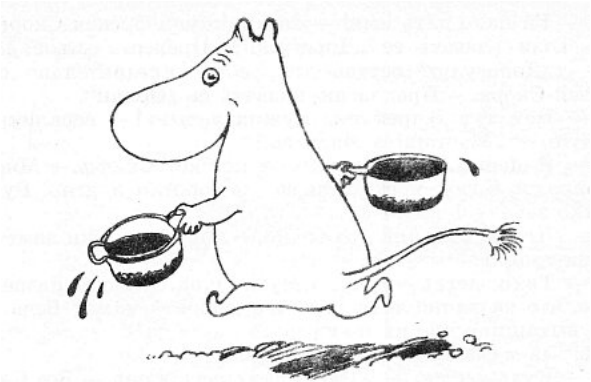
— Какая жалость! — воскликнула она. — Похоже, я забыла дома фруктовый сок!

— А ведь я спрашивал, не забыла ли ты чего! — строго сказал Муми-папа.

Все ужасно расстроились. Плавание под парусами на новой лодке, не окрещенной по всем правилам, может закончиться плачевно.

И тут Муми-тролля осенило.

— Давай мне кастрюли, — сказал он, наполнил кастрюли морской водой и отправился в грот. Вернувшись, он подал папе кастрюлю и сказал: — Ну-ка попробуй!

Муми-папа отпил глоток и просиял от удовольствия.

— Откуда это у тебя, сынок? — спросил он.

— Секрет! — ответил Муми-тролль.

Они наполнили волшебной водой банку из-под варенья и разбили ее об нос лодки. Муми-мама гордо продекламировала: «Сим крещу тебя на вечные времена, и имя тебе „Приключение“ (такова формула крещения у всех муми-троллей), и все закричали „ура!“. Затем корзины, одеяла, зонтики, удочки, подушки, кастрюли и плавки погрузили на борт, и Муми-семейство с друзьями поплыли по пустынному зеленому морю.

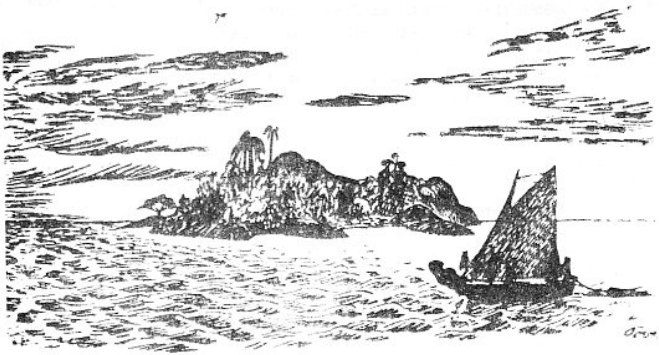
Погода стояла чудесная, хотя и не совсем яс-

ная, потому что солнце было затянуто легкой золотистой дымкой. С туго натянутым парусом «Приключение» стрелой неслось к горизонту. Волны звучно плескались в его борта, в снастях свистел ветер, а вокруг носа плясали русалки.

Снифф связал шнурком свои игрушечные суденышки одно за другим, так что в кильватере у них плыла целая флотилия. Муми-папа рулил, Муми-мама дремала. Ведь очень редко случалось, чтобы вокруг нее было так спокойно. В вышине над ними кружили большие белые птицы.

— Куда мы держим путь? — спросил Снорк.

— Давайте поплывем на какой-нибудь маленький остров! — попросила фрекен Снорк. — Я еще никогда не бывала на острове!

— Ну что ж, теперь ты имеешь такую возможность, — сказал Муми-папа. — Высадимся на первом же острове, который увидим.

Муми-тролль свесился с носа, пытаясь рассмотреть морское дно. Это было страшно интересно — глядеть в зеленоватую толщу воды, которую рассекал нос лодки, распуская в стороны белые усы пены.

— Я иду под парусами! — кричал Муми-тролль. — Мы плывем на остров! Пи-хо!

Далеко в море, окруженный бурунами и подводными мелями, лежал необитаемый остров хатифнаттов. Раз в год хатифнатты собирались на нем, перед тем как вновь отправиться в свои бесконечные странствия вокруг света. Они стекались сюда со всех концов земли, безмолвные и серьезные, с маленькими белыми пустыми лицами. Зачем им эти ежегодные съезды, трудно сказать: хатифнатты не могут ни слышать, ни говорить, а взгляд их всегда направлен на что угодно, только не к той далекой цели, к которой они стремятся. Быть может, им просто хочется иметь место, где можно чувствовать себя как дома, где можно немного отдохнуть, повидаться со знакомыми? Съезды эти всегда происходят в июне, и вот случилось так, что Муми-семейство и хатифнатты прибыли на остров почти одновременно. Пустынный и манящий, возник он из моря в нарядном венце белоснежного прибоя и зеленых кущ.

— Земля! — крикнул Муми-тролль.

Все потянулись через борт посмотреть.

— Тут есть пляж! — воскликнула фрекен Снорк.

— И отличная гавань! — сказал Муми-папа.

Изящно лавируя между отмелями, он провел

лодку к берегу. Ее нос мягко ткнулся в песок. Муми-тролль спрыгнул с фалинем (так называется трос, которым лодка крепится к причалу) на сушу, и вскоре берег ожил, наполнился суетой и бурной деятельностью. Муми-мама сложила из камней очаг, чтобы подогреть оладьи, натаскала дров, расстелила на песке скатерть и на каждый угол положила по камню, чтобы ее не унесло ветром. Затем расставила чашки, закопала банку с маслом в сырой песок в тени от скалы и под конец украсила стол букетом береговых лилий.

— Мы ничем не можем тебе помочь? — спросил Муми-тролль, когда все приготовления были закончены.

— Вы должны обследовать остров, — сказала Муми-мама (уж она-то знала, чего им больше всего хочется). — Очень важно знать, куда мы попали. Вдруг нам грозит какая-нибудь опасность?

— Верно, — сказал Муми-тролль, и они втроем — он, фрекен Снорк и Снифф — пошли вдоль южного берега, а Снусмумрик, любивший делать открытия в одиночку, — вдоль северного. Хемуль взял лопату, зеленую коробку для растений, увеличительное стекло и направился прямо в лес в надежде найти там диковинные, еще никем не открытые растения.

Муми-папа устроился на камне поудить. Солнце незаметно склонялось к закату, золотистая дымка над морем сгущалась.

В самой середине острова расстилалась ровная зеленая лужайка, окруженная цветущим кустарником. Это и было тайное место встреч хатифнаттов, где они собирались раз в год в середине лета. Их явилось уже сотни три, и ожидалось прибытие еще примерно четырехсот пятидесяти. Они молча ходили по траве и церемонно раскланивались друг с другом. Посреди лужайки стоял высокий, выкрашенный в синий цвет столб, а на нем висел большой барометр. Всякий раз, проходя мимо барометра, хатифнатты низко кланялись ему (и это выглядело очень смешно).

А Хемуль тем временем бродил по лесу, собирая редкие цветы, пестревшие вокруг. Это были совсем не те цветы, что в Муми-доле, о нет, отнюдь нет! Посмотреть только на эти тяжелые серебристо-белые соцветия, словно отлитые из стекла, на эти двудольные чудо-цветы сумеречных тонов, на эти малиново-черные венчики, похожие на корону! Но Хемуль не видел всей этой красоты; он знай считал лепестки-тычинки и бормотал про себя: «Это будет номер двести девятнадцать в моем гербарии».

Так вышел он на поляну хатифнаттов и побрел по ней, рьяно высматривая в траве редкие растения, и поднял глаза только тогда, когда стукнулся головой о столб. Тут только он с изумлением огляделся вокруг. Впервые в жизни он видел столько хатифнаттов зараз. Они кишели повсюду и смотрели на него своими маленькими блеклыми глазками. «Интересно, злые они или нет? — с беспокойством подумал Хемуль. — Маленькие-то они маленькие, да уж больно их много!»

Хемуль осмотрел столб и висевший на нем большой блестящий барометр красного дерева. Барометр показывал дождь и ветер. «Странно», — подумал Хемуль, щурясь от блеска солнца, и щелкнул по барометру. Стрелка сильно упала. А хатифнатты угрожающе зашипели и сделали шаг в сторону Хемуля.

— Пожалуйста, не беспокойтесь! — испуганно сказал Хемуль. — Я вовсе не собираюсь отнимать у вас барометр!

Но хатифнатты не слышали его и сделали еще шаг в его сторону, шеренга за шеренгой, шипя и размахивая лапами. Хемуль страшно перетрусил и огляделся — как бы убраться восвояси. Враг окружал его стеной и подступал все ближе. А между деревьями мелькали все новые и новые

хатифнатты, безмолвные, с неподвижными лицами.

— Пошли прочь! — крикнул Хемуль. — Кыш! Кыш!

Но хатифнатты продолжали беззвучно приближаться. Тут уж Хемуль подобрал свои юбки и давай карабкаться на столб. Столб был скользкий и грязный, но страх придал Хемулю нехемульскую силу, и вот уж он сидит, дрожа, на верхушке столба и держится за барометр.

Хатифнатты подступили к столбу вплотную и ждали. Словно белый ковер, они покрывали собой всю поляну, и Хемуль содрогнулся при мысли, что будет, свались он на землю.

— Караул! — крикнул он слабым голосом. — Спасите! Помогите!

Лес безмолвствовал.

Тогда Хемуль сунул два пальца в рот и засвистел. Три коротких свистка, три длинных и опять три коротких: SOS…

Снусмумрик, шедший по северному берегу острова, уловил сигнал бедствия и поднял голову, прислушиваясь. Определив направление, он стремглав бросился на помощь. Слабый вначале, свист становился все явственнее. «Теперь где-то совсем близко», — подумал Снусмумрик и стал

осторожно красться вперед. Между деревьями открылся просвет, и он увидел поляну, хатифнаттов и Хемуля, уцепившегося за верхушку столба. «Ну и дела», — пробормотал про себя Снусмумрик и крикнул:

— Эй! Я здесь! Как тебя угораздило настроить незлобивых хатифнаттов на столь воинственный лад?

— Я только щелкнул по их барометру, — жалобно откликнулся Хемуль. — Стрелка упала. Попробуй прогнать этих противных тварей, милый Мумрик!

— Сейчас подумаем, — ответил Снусмумрик.

(Хатифнатты не слышали ни слова из их разговора, ведь ушей-то у них нет.)

Немного погодя Хемуль крикнул:

— Думай скорее, Мумрик, я, того и гляди, сползу вниз!

— Ну так вот, — сказал Снусмумрик. — Помнишь, как у нас в саду завелись полевые мыши? Муми-папа вкопал тогда в землю много столбов и поставил на них пропеллеры-вертушки. Когда пропеллеры завертелись, их дрожание передалось земле, у мышей сдали нервы, и они убрались восвояси!

— Ты всегда так интересно рассказываешь, — с

горечью отозвался Хемуль. — Только, хоть убей, не пойму, какое это имеет отношение к моему бедственному положению!

— Самое непосредственное! — ответил Снусмумрик. — Неужели не понимаешь? У хатифнаттов нет ни дара речи, ни слуха, только зрение, да и то совсем никудышное. Зато у них очень тонкая способность ощущать! Попробуй потряси столб маленькими толчками! Хатифнатты непременно почувствуют дрожание земли и испугаются. Будь спокоен, это проберет их до самых печенок. Они чувствительны, как радиоприемник!

Хемуль попробовал пошатать столб.

— Я свалюсь! — боязливо крикнул он.

— Сильней, сильней! — крикнул Снусмумрик. — Маленькими толчками!

Хемуль затряс столб, и немного погодя у хатифнаттов появилось неприятное ощущение в ногах. Они еще сильнее зашипели, беспокойно задвигались и наконец побежали все разом очертя голову.

Поляна опустела в мгновение ока. Хемуль почувствовал такое облегчение, что, сам того не ведая, разжал руки и мешком плюхнулся на траву.

— О, мое сердце! — запричитал он. — Оно опять

ушло в пятки! С тех пор как попал я в Муми-семейку, так ничего хорошего и не вижу, кругом беспорядки да опасности!

— Нишкни, — сказал Снусмумрик. — Ты еще дешево отделался.

— Ух, негодные твари, — разорялся Хемуль. — Ну уж барометр-то я прихвачу с собой, пусть знают наших!

— Лучше не трогай! — предостерег его Снусмумрик.

Но Хемуль уже снял со столба барометр и с ликующим видом сунул его под мышку.

— А теперь — к нашим, — сказал он. — Я страшно проголодался.

Когда Снусмумрик и Хемуль вернулись, все сидели и угощались оладьями и щукой, которую Муми-папа выловил из моря.

— Привет! — крикнул Муми-тролль. — А мы обошли весь остров. На той стороне есть ужасно дикие скалы, уходят прямо в море!

— А мы видели кучу хатифнаттов! — поведал Снифф. — Штук сто, не меньше!

— Не говорите мне о них, — с чувством произнес Хемуль. — Это выше моих сил. Лучше вот полюбуйтесь моим боевым трофеем.

И он с гордостью выложил на скатерть баро-

метр.

— Ой, какая красивая штука! — воскликнула фрекен Снорк. — И какая блестящая! Это часы?

— Нет, это барометр, — сказал Муми-папа. — Чтобы определять, какая будет погода — ясно или гроза. Иногда даже случается, он не врет.

Муми-папа щелкнул по барометру и нахмурился.

— Будет буря!

— Сильная буря? — боязливо спросил Снифф.

— А вот взгляни, — сказал Муми-папа. — Стрелка стоит на ноль-ноль — ниже просто некуда. Разве что он хочет сыграть с нами шутку!

Но, судя по всему, барометр не шутил. Золотистая дымка сгустилась в желто-серую мглу, море на горизонте зловеще почернело.

— Надо немедленно возвращаться домой! — сказал Снорк.

— Не так сразу! — попросила фрекен Снорк. — Ведь мы не успели осмотреть толком скалы на той стороне! Мы даже не искупались!

— Пожалуй, и вправду незачем так торопиться, — сказал Муми-тролль. — Посмотрим, что будет дальше. Ведь это так глупо — открыть остров и сразу домой.

— Но ведь если грянет буря, плыть будет нель-

зя! — резонно заметил Снорк.

— Вот и хорошо! — воскликнул Снифф. — Тогда мы останемся здесь навсегда.

— Тихо, дети! Я должен подумать, — сказал Муми-папа.

Он спустился к воде, потянул носом воздух, повертел во все стороны головой и нахмурился.

Вдали глухо прогрохотало.

— Гром! — сказал Снифф. — Ой, страшно!

Над горизонтом стеною вздымалась грозная черносиняя туча и гнала перед собой клочья светлых облаков. Время от времени море озарялось бледным светом зарниц.

— Остаемся! — решил Муми-папа.

— На всю ночь? — обрадовался Снифф.

— Да, пожалуй, — сказал Муми-папа. — А теперь живо строить дом, скоро нас накроет дождем!

Они вытащили лодку на берег и на опушке леса мигом соорудили дом из паруса и одеял. Муми-мама законопатила мхом все щели. Снорк окопал дом канавой для отвода воды. Все носились между лодкой и домом, перетаскивая вещи в укрытие. По лесу прошел ветерок, листья деревьев тревожно зашелестели. Громовые раскаты слышались все ближе и ближе.

— Схожу на мыс, посмотрю погоду, — сказал

Снусмумрик.

Он потуже надвинул шляпу на уши и ушел. Счастливый в своем одиночестве, выбрался он на далеко выдвинутый в море мыс и встал, опершись спиной о скалу.

Лик моря изменился. Оно сделалось черно-зеленым, пенилось верхушками волн, подводные отмели отсвечивали желтым фосфорическим светом. Под величественные раскаты грома гроза надвигалась с юга. Она распускала над морем свои черные паруса и вырастала вполнеба, зловеще сверкая молниями.

«Идет прямо на остров, — подумал Снусмумрик, трепеща от радости и тревожного ожидания. Он зажмурился и представил себе, что парит высоко-высоко на гребне тучи-стены: — Могучий, проносишься ты над морем в шипении молний».

Солнца уже не было видно. Дождь серой завесой стремительно набегал с моря.

Снусмумрик повернулся и во весь дух припустил обратно.

В палатку он юркнул в самый последний момент: тяжелые капли дождя уже барабанили по брезенту, хлопавшему на жестоком ветру. Хотя до вечера было еще далеко, все вокруг погрузилось во мрак. Снифф с головой закутался в одеяло — так страшно ему было. Остальные, нахохлившись, жались друг к дружке. Чудо-цветы Хемуля благоухали на всю палатку. Теперь буря бушевала совсем близко. Палатка непрестанно озарялась белыми вспышками молний. Гроза с грохотом катала по небу железные вагоны, море сердито бросало на остров свои самые большие валы.

— Слава богу, что мы не вышли в море, — сказала Муми-мама. — Ну и погода!

Фрекен Снорк, вся дрожа, вложила свою лапу в лапу Муми-тролля, и он чувствовал себя мужественным покровителем.

А Снифф лежал под одеялом и ревел.

— Теперь она прямо над нами! — сказал Муми-папа.

И в тот же миг над островом с шипением вспыхнула гигантская молния. За нею последовал оглушительный треск.

— Ударила прямо в остров! — сказал Снорк.

Это уж было действительно чересчур. Хемуль сидел, обхватив лапами голову, и бормотал:

— Беспорядки! Кругом беспорядки!

А гроза уходила на север. Все отдаленнее слышались громовые раскаты, молнии сверкали не так ярко, и вот уже только дождь шумит вокруг да море ревет у берегов.

— Вылезай, Снифф, — сказал Снусмумрик. — Гроза прошла.

Снифф, хлопая глазами, выпутался из одеяла. Ему было чуточку совестно, что он так ужасно ревел, и он зевал и почесывал у себя за ушами.

— Который час? — спросил он.

— Без малого восемь, — ответил Снорк.

— Ну так давайте укладываться спать, — сказала Муми-мама. — Столько волнений за один день!

— А мне страшно хочется установить, куда ударила молния, — сказал Муми-тролль.

— Завтра! — ответила мама. — Завтра ты все установишь и поплаваешь в море. А сейчас на острове сыро, уныло и неприютно.

И она подоткнула всем под ноги одеяла и заснула, положив свою сумку под подушку.

А дождь снаружи лил все сильней и сильней, и странные, удивительные звуки вплетались

в рев волн: голоса, топот бегущих ног, смех и бой больших часов где-то на море. Снусмумрик лежал неподвижно, слушал, мечтал и вспоминал свои кругосветные путешествия. «Скоро я снова отправлюсь в путь, — подумал он. — Только еще чуточку подождать».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

в которой фрекен Снорк лысеет при ночном набеге хатифнаттов и в которой рассказывается о чрезвычайно странной находке на берегу необитаемого острова

Фрекен Снорк проснулась среди ночи от ужасного ощущения: что-то коснулось ее лица. Не смея открыть глаза, она с беспокойством принюхалась. Пахло гарью! Фрекен Снорк натянула на голову одеяло и позвала вполголоса:

— Муми-тролль! Муми-тролль!

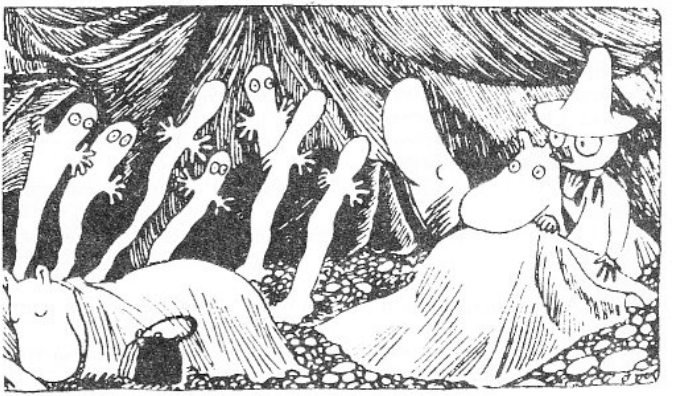
Муми-тролль тотчас проснулся.

— В чем дело? — спросил он.

— К нам забрался кто-то страшный, — сказала из-под одеяла фрекен Снорк. — Я чувствую, среди нас есть кто-то страшный!

Муми-тролль уставился в темноту. В палатке и вправду творилось неладное. Вспыхивали какие-то огоньки, какие-то бледно светящиеся тени сновали между спящими. Муми-тролль потряс Снусмумрика за плечо.

— Посмотри-ка! — испуганно сказал он. — Привидения!

— Нет, — ответил Снусмумрик. — Это хатифнатты. Их наэлектризовало грозой, и они засветились. Лежи тихо, а то ударит током!

Казалось, хатифнатты что-то искали. Они рылись во всех корзинах, запах гари усиливался. Внезапно все хатифнатты сбились в углу, где спал Хемуль.

— Не вздуют они его, как ты думаешь? — тревожно спросил Муми-тролль.

— Скорее всего они ищут барометр, — ответил Снусмумрик. — Я не советовал ему брать барометр. И вот они явились за ним!

Хатифнатты сообща принялись вытаскивать барометр. Они переступили через Хемуля, чтобы поудобнее ухватиться за барометр, и теперь уж не гарью пахло, а прямо-таки чадило вовсю.

Снифф проснулся и захныкал. И в тот же момент палатка огласилась чьим-то ревом. Это хатифнатт наступил Хемулю на нос.

Тут уж все разом проснулись и вскочили на ноги. Поднялся неописуемый переполох. Испуганные вопросы сменялись громкими воплями, когда кто-нибудь, наступив на хатифнатта, обжигался или получал электрический удар. Хемуль ползал по всей палатке и кричал дурным голосом, потом запутался в парусе, и палатка рухнула прямо на всех. Это было что-то ужасное.

Впоследствии Снифф утверждал, что им понадобилось не меньше часа, чтобы выбраться из-под паруса. (Если он и преувеличил, то лишь самую малость.)

Так или иначе, когда все наконец выпутались из паруса, хатифнаттов с барометром и след простыл. И никто не горел желанием преследовать их.

Хемуль с причитаниями уткнулся носом в мокрый песок.

— Это уж слишком! — сетовал он. — Неужто бедный, невинный ботаник не может прожить свою жизнь в мире и покое!

— А жизнь вообще неспокойная штука! — восторженно заметил Снусмумрик.

— Дождь перестал, — сказал Муми-папа. — Посмотрите-ка, дети, небо прояснилось! Скоро начнет светать.

Муми-мама зябко поеживалась, крепко прижимая к себе свою сумку. Она взглянула на бурное ночное море и спросила:

— Ну как, отстроим заново дом и попробуем еще поспать?

— Не стоит, — сказал Муми-тролль. — Закутаемся в одеяла и переждем до восхода солнца.

Все уселись рядышком на песке и тесно прижались друг к дружке. Снифф устроился в самой середке — ему казалось, что так безопасней.

— Вы представить себе не можете, как это жутко, когда в темноте дотрагиваются до твоего лица, — сказала фрекен Снорк. — Это хуже любой грозы!

Так они сидели и любовались ясной ночью над морем. Ветер понемногу стихал, но волны прибоя все еще с ревом накатывали на берег. Небо на востоке начало светлеть. Было очень свежо. И тут, в этот ранний предрассветный час, показались хатифнатты. Они покидали остров. Их лодки одна за другой словно тени выскальзывали из-за мыса и уходили в открытое море.

— Браво! — воскликнул Хемуль. — Надеюсь, мне никогда больше не придется свидеться с хатифнаттами.

— Скорее всего они отыщут себе новый остров, — сказал Снусмумрик. — Таинственный остров, где никому не суждено побывать!

Тоскующим взором провожал он утлые суденышки Вечно Странствующих По Свету.

Фрекен Снорк спала, положив голову на колени Муми-тролля. На восточном горизонте проступила первая золотистая полоска зари. Словно розы, зарделись забытые бурей облачка, и солнце вознесло над морем свою пылающую главу.

Муми-тролль нагнулся разбудить фрекен Снорк, и тут ему открылось нечто ужасное: прелестная челка, украшавшая ее лоб, была начисто спалена! Причиной тому вероятнее всего было прикосновение хатифнатта. Что она теперь ска-

жет, как он утешит ее? Это была катастрофа!

Фрекен Снорк открыла глаза и улыбнулась.

— Послушай, — поспешно сказал Муми-тролль. — Со мною творится что-то странное! С некоторых пор мне куда больше стали нравиться девочки без волос, чем с волосами!

— Вот как! — удивилась фрекен Снорк. — Это почему же?

— С волосами они выглядят такими неряхами!

Тут фрекен Снорк подняла лапы, чтобы причесаться, но — увы! — единственное, что ей удалось нащупать, был малюсенький опаленный пучок волос. В глубоком ужасе она рассматривала его в зеркало.

— Ты стала плешивая, — сообщил Снифф.

— Нет, тебе и вправду так идет, — пытался утешить ее Муми-тролль. — Ну не надо плакать!

Но фрекен Снорк, лишившись своего главного украшения, бросилась на песок и горько разрыдалась.

Все собрались вокруг и пытались ее развеселить.

Не тут-то было!

— Понимаешь, — втолковывал Хемуль, — я родился лысым, и вот ничего, отлично обхожусь без волос!

— Мы смажем тебе голову маслом, и они непременно снова отрастут, — вторил Муми-папа.

— И даже будут виться, — добавляла Муми-мама.

— Это правда? — всхлипывала фрекен Снорк.

— Ну еще бы! — заверила ее Муми-мама. — Представляешь, какой милашкой ты будешь с кудрями?

Фрекен Снорк перестала рыдать.

— Взгляни-ка на солнце, — сказал Снусмумрик.

Свежевымытое и прекрасное, поднималось оно над морем. А весь остров так и сверкал после дождя.

— А ну давайте-ка я сыграю утреннюю песню! — сказал Снусмумрик, доставая свою губную гармошку.

И все что было сил запели:

Солнце всходит,
Скрылась ночь.
Хатифнатты
Смылись прочь.
О вчерашнем
Не грусти!
Лучше кудри

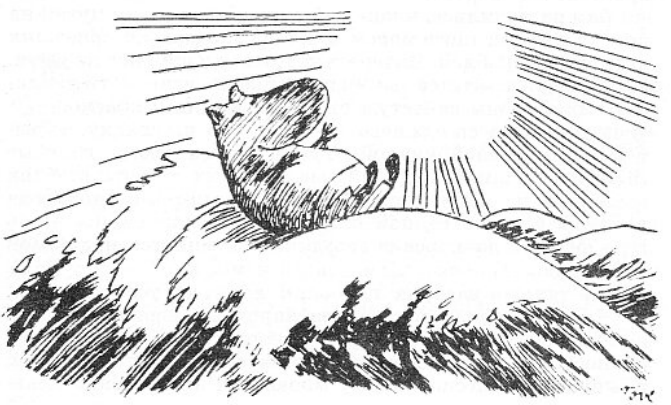
Отпусти!

Пи-хо!

— А ну, айда купаться! — крикнул Муми-тролль.

Все разом натянули плавки и бросились в волны прибоя (точнее сказать, все, кроме Хемуля, папы и мамы — им казалось, что для купания еще слишком свежо).

Белопенно-зеленые, цвета бутылочного стекла волны накатывали на пляж.

О, счастье быть муми-троллем, который только проснулся и уже пляшет среди зеленых волн на восходе солнца!

Ночь была забыта, впереди был новый долгий июньский день. Словно дельфины, проскакивали они сквозь волну или плавно неслись на ее гребне к берегу, где Снифф рыл ямки в песке, которые сразу же наполнялись водой. А Снусмумрик заплыл на спине подальше в море и смотрел в золотисто-голубое небо.

Тем временем Муми-мама сварила кофе на очаге из камней и стала искать банку с маслом, которую зарыла от солнца в песок. Но проискала она напрасно: банку унесло бурей.

— Как же я сделаю бутерброды! — сетовала она.

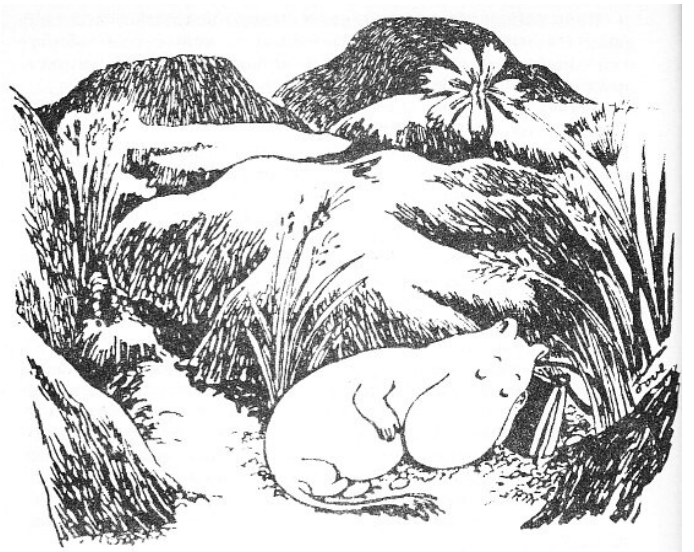
— Надо разведать, не принесла ли буря чего взамен, — сказал Муми-папа. — После кофе отправимся в исследовательскую экскурсию и посмотрим, что выброшено морем на берег!

Так они и сделали.

На другой стороне острова вздымали из моря свои отшлифованные спины первозданные скалы. Там можно было найти песчаную площадку, усеянную ракушками, — потаенное место плясок морских русалок или таинственные темные

расщелины, где прибой бьет гулко, словно в железную дверь. В одних местах среди утесов мог открыться небольшой грот, в других утесы круто обрывались вниз, образуя громадные котлы, в которых, шипя, бурлили водовороты.

Они разделились, и каждый отправился своим путем на поиски принесенного морем добра и обломков потерпевших крушение кораблей. Интереснее этого занятия нет на свете, ведь можно найти самые удивительные вещи, а вылавливать их из воды зачастую страшно трудно и опасно.

Муми-мама спустилась на песчаную площадку, укрытую за огромной скалой. Тут кучками росли голубые морские гвоздики и дикий овес, и в их тонких стеблях шелестел и посвистывал ветер. Муми-мама прилегла у скалы с подветренной

стороны. Ей были видны лишь голубое небо да морские гвоздики, качавшиеся над самой ее головой. «Полежу здесь совсем немножко», — подумала она и тут же заснула глубоким сном на теплом песке.

Ну а Снорк — тот вскарабкался на вершину самой высокой скалы и огляделся. Остров распахнулся перед ним от побережья до побережья и казался букетом цветов, плывущим по неспокойному морю. Вон виднеется маленькая движущаяся точка — это Снифф, он ищет обломки кораблекрушения, вон мелькнула шляпа Снусмумрика, а вон Хемуль выкапывает особо редкую разновидность венерина башмачка… А вон там — это как дважды два четыре — там ударила молния! Большущая каменная глыба, больше, чем десять Муми-домов, вместе взятых, раскололась, словно яблоко, и обе половины раздались в стороны, образовав ущелье с отвесными стенами. С замиранием сердца вошел Снорк в ущелье и осмотрелся. Вот здесь она прошла! Извилистой черной как уголь линией обозначился ее путь по обнажившемуся нутру камня. А с нею рядом бежала другая полоска, светлая и блестящая! Это было золото, не что иное, как золото!

Снорк ковырнул полоску ножом. В лапу ему

упала золотая крупинка. Он отколупнул еще и еще. Словно в горячке выковыривал он куски один другого крупнее и скоро забыл обо всем на свете, кроме вскрытых молнией золотых жил. Теперь он уже был не какой-то там собиратель выброшенных морем обломков кораблекрушения, а настоящий золотоискатель!

Снифф же тем временем сделал совсем немудреное открытие, но и оно подарило ему немудреную, а все же радость: он нашел пробковый пояс — пояс, отчасти разъеденный морской водой, но пришедшийся ему как раз впору.

«Ну вот, теперь я могу выйти на большую воду! — подумал Снифф. — Уж теперь-то я наверняка научусь плавать не хуже других! То-то Муми-тролль удивится!»

Чуть подальше среди скруток бересты, поплавков от сетей и водорослей он нашел рогожу, почти целый ковшик и старый башмак без каблука — бесценные сокровища, когда отнимаешь их у моря!

Тут Снифф завидел вдали Муми-тролля. Тот стоял в воде и что-то тащил, дергал к себе изо всех сил. Явно что-то очень большое! «Жалко, что не я первый увидел! — подумал Снифф. — Вот только что бы это могло быть?»

А Муми-тролль уже вытащил на берег свою находку и покатил ее перед собой по песку. Снифф все вытягивал и вытягивал шею — и наконец разглядел. Это был буй! Большой, пестро раскрашенный буй!

— Пи-хо! — крикнул Муми-тролль. — Ну что скажешь?

— Ничего буй! — критически отозвался Снифф, склонив голову набок. — Ну а как тебе понравится вот это?

И он выложил свои находки на песок.

— Пояс хорош, — сказал Муми-тролль. — Ну а половинка-то ковша на что?

— Будет служить, если черпать быстро-быстро, — ответил Снифф. — Слушай, а не поменяться ли нам? Рогожа, черпак и башмак за один старый буй? Поменяемся?

— Ни за что на свете, — ответил Муми-тролль. — Но вот дать за твою пробковую никчемушку таинственный талисман, приплывший сюда из дальних стран, — это могу.

Он достал какую-то диковинную штуку из дутого стекла и потряс ее. В стеклянном шаре вихрем вскружились снежинки и опали на домик с окнами из посеребренной бумаги.

— Ой! — сказал Снифф, и жестокая борьба

разыгралась в его сердце, всегда вожделевшем к вещам.

— Смотри! — сказал Муми-тролль и опять встряхнул шар.

— Не знаю, — в отчаянии проговорил Снифф, — просто не знаю, что мне больше нравится — спасательный пояс или этот зимний талисман! Мое сердце разрывается пополам!

— Это наверняка единственный снежный талисман, существующий в данный момент на свете, — сказал Муми-тролль.

— Но я просто не в силах расстаться со спасательным поясом! — жалобно сказал Снифф. — Муми-тролль, дружочек, а нельзя ли как-нибудь поделить с тобой этот снежный буранчик?

— Гм!.. — отозвался Муми-тролль.

— Ну, скажем, я только иногда буду брать его у тебя, — просил Снифф. — По воскресеньям, а?

Муми-тролль немного подумал.

— Ладно, — сказал он. — Можешь брать его по средам и воскресеньям.

А где-то далеко-далеко брел Снусмумрик. Он шел у самой воды, и когда волна, шипя, норовила лизнуть его ботинки, он смеясь отскакивал прочь. Ох, как злилась тогда волна!

Неподалеку от мыса Снусмумрик повстречал

Муми-папу. Тот вылавливал из воды бревна и доски.

— Ну как, здорово? — отдуваясь, сказал Муми-папа. — Из всего этого я построю причал для «Приключения»!

— Может, вам помочь с вытаскиванием? — спросил Снусмумрик.

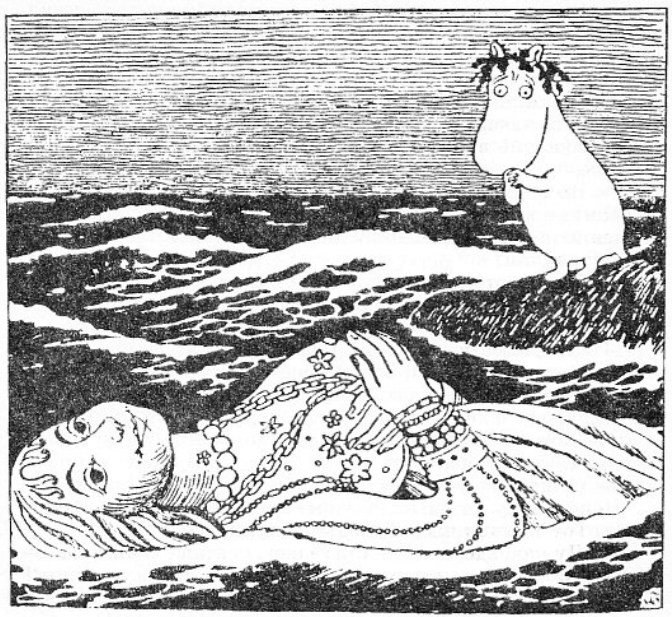
— Нет, нет! — испуганно сказал Муми-папа. — Управлюсь один. Хотите вытаскивать, попробуйте найти что-нибудь сами.

Тем временем фрекен Снорк лазала по скалам на далеком мысу. Свою спаленную челку она прикрыла венком из морских лилий, и мечталось ей о такой находке, чтобы все ахнули от зависти и удивления. А когда наудивляются вдоволь, она отдаст ее Муми-троллю. (Разумеется, если находка не украшение.)

Вздыхая, оглядела она пустынное побережье и вдруг остановилась как вкопанная, а сердце так и затрепетало у нее в груди. Там, в самом конце мыса… Нет, это было слишком страшно! Там кто-то лежал в воде и колотился головой о прибрежные камни! И этот кто-то был ужасно большой, в целых десять раз больше маленькой фрекен Снорк!

«Сейчас же побегу за остальными, — подумала

она, но не побежала. — Смелей! — сказала она себе. — Давай посмотрим, кто это!» И, вся дрожа, приблизилась к тому страшному, что лежало в воде. Это была большая женщина…

Фрекен Снорк сделала несколько робких шагов и словно к земле приросла от изумления: женщина была деревянная! И еще она была удивительно красивая. Лицо ее безмятежно улыбалось, у нее были румяные щеки и губы, круглые, широко раскрытые голубые глаза. Волосы ее, тоже голубые, длинными крашеными локонами спадали на плечи…

«Это королева», — подумала фрекен Снорк.

Руки прекрасной женщины были скрещены на груди, блиставшей золотыми цветами и цепями, а платье начиная от тонкой талии струилось мягкими красными складками. И все это было из крашеного дерева. Но что самое удивительное — у женщины совсем не было спины.

«Пожалуй, это слишком роскошный подарок для Муми-тролля, — размышляла про себя фрекен Снорк. — Но все равно он будет его!»

И вот под вечер в бухточку, где стояла лодка, приплыла страшно гордая фрекен из породы Снорков. Она гребла одним веслом, восседая на животе деревянной королевы.

— Неужели ты нашла лодку? — спросил Снорк.

— И привела ее сюда совсем одна? — подивился Муми-тролль.

— Это носовая фигура корабля, — объяснил

Муми-папа, много плававший в дни своей юности. — Такой красивой деревянной королевой моряки украшают форштевень судна.

— Зачем? — спросил Снифф.

— Так, для красоты.

— А почему у нее нет спины? — спросил Хемуль.

— Да ведь иначе ее не укрепишь на штевне, — сказал Снорк. — Это каждому младенцу понятно.

— Она слишком велика, и ее нельзя приколотить к носу «Приключения», — сказал Снусмумрик. — Жаль, чертовски жаль!

— О, прекрасная дама, — вздохнула Муми-мама. — Подумать только! Быть такой красивой и не получать никакой радости от своей красоты!

— Что ты хочешь с ней делать? — спросил Снифф.

Фрекен Снорк опустила глаза и застенчиво улыбнулась.

— Я хочу подарить ее Муми-троллю.

У Муми-тролля язык отнялся от неожиданности. Красный как рак выступил он вперед и отвесил низкий поклон. Фрекен Снорк, вне себя от смущения, сделала книксен, и все вместе выглядело так, будто они пришли на званый вечер.

— Сестричка, — сказал Снорк, — ты еще не ви-

дела, что нашел я!

И он гордо показал на сверкающую груду золота, сложенную на песке.

Фрекен Снорк сделала большие глаза.

— Неужели настоящее золото? — выдохнула она.

— Да, и есть еще много-много! — похвастался Снорк. — Целая гора!

Ах, сколько тут было любования находками! Муми-семейство вдруг разбогатело. Но самым драгоценным его достоянием было все же носовое украшение и снежный буран в стеклянном шаре. Парусная лодка, отчалившая наконец от необитаемого острова при последних отзвуках бури, была нагружена до отказа. В ее кильватере плыл целый флот бревен и досок, а груз состоял из снежного талисмана, большого, пестро раскрашенного буя, ботинка без каблука, половинки ковша, спасательного пояса, рогожи и золота, а в носу лежала деревянная королева. Рядом с нею сидел Муми-тролль, положив лапу на ее красивые голубые волосы. Счастью его не было предела!

А фрекен Снорк посматривала на них и думала: «Ах, быть бы мне такой же красивой, как деревянная королева! А то ведь я теперь даже без

челки...»

От ее радости не осталось и следа. Наоборот, она была почти печальна.

— Тебе нравится деревянная королева? — спросила она.

— Очень! — ответил Муми-тролль, даже не взглянув на нее.

— Но ведь ты же сам говорил, что не любишь девочек с волосами. Да и вообще она только раскрашенная!

— Зато как раскрашенная!

Фрекен Снорк помрачнела. Она смотрела в море неподвижным взглядом, чувствуя, как к горлу ей подкатывает комок, и мало-помалу серела.

— У нее ужасно глупый вид! — сердито сказала она.

Тут только Муми-тролль поднял на нее глаза.

— Ты стала совсем серая, что с тобой? — удивленно спросил он.

— Ничего особенного!

Муми-тролль слез с носа и подсел к ней.

— А ведь у деревянной королевы в самом деле ужасно глупый вид! — сказал он немного погодя.

— Нет, правда? — сказала фрекен Снорк и снова порозовела.

Солнце медленно клонилось к закату, расцве-

чивая мертвую зыбь золотым и зеленым. Все стало золотым или золотистым — парус, лодка, ее пассажиры. Далеко на горизонте пламенел в лучах заката остров хатифнаттов.

— Интересно, что вы намерены предпринять с золотом Снорка? — спросил Снусмумрик.

— Обложим цветочные клумбы, пусть служит украшением, — сказала Муми-мама. — Разумеется, только куски покрупнее, мелочь-то совсем не имеет вида.

Все сидели молча и смотрели, как солнце погружается в море, а краски блекнут, переходя в голубой и фиолетовый. Плавно покачиваясь, «Приключение» шло к родным берегам.

ГЛАВА ПЯТАЯ,

в которой рассказывается о Королевском рубине, о том, как Снорк ставил перемет, о смерти Мамелюка и еще о том, как Муми-дом превратился в джунгли

Был конец июля, в Муми-доле стояла страшная жара. Даже мухи и те не находили силы жужжать. Изнемогали запыленные деревья, обмелела речка. Она теперь еле струилась узеньким серым ручейком по жаждущим лугам, и из ее воды уже не получалось вкусного фруктового сока в шляпе Волшебника (которая была помилована и стояла под зеркалом на комоде).

День за днем солнце поливало зноем долину. Вся ползучая мелюзга попряталась в свои прохладные подземные норы, птицы смолкли. Друзья Муми-тролля стали раздражительными, не находили себе места и ссорились между собой.

— Мама, — сказал Муми-тролль, — придумай для нас что-нибудь. А то мы только ссоримся да изнываем от жары!

— Да, мое золотко, — отвечала Муми-мама. — Я

это уже заметила. Я и сама рада немного отдохнуть от вас. Не пожить ли вам несколько деньков в гроте? Там прохладно, вы сможете целый день не вылезать из моря и ничего не делать.

— И ночевать тоже в гроте? — восхищенно спросил Муми-тролль.

— Ну конечно! И не показывайтесь мне на глаза, пока опять не станете милыми и хорошими!

Было страшно интересно по-настоящему устроиться в гроте. Посреди песчаного пола поставили керосиновую лампу. Каждый выкопал себе ямку по форме своего тела, чтобы уютней было спать. Провизию: пудинг с изюмом, тыквенное пюре, бананы, красные и белые мятные лепешки, кукурузные початки и оладьи — разделили на шесть равных кучек.

Под вечер потянул ветерок с побережья. Закат был красный, солнце заливало грот теплым светом. Снусмумрик играл сумеречные песни, фрекен Снорк лежала, склонив кудрявую голову на колени Муми-троллю.

Пудинг с изюмом настроил всех на благодушный лад, но над морем сгущались сумерки, и всем было как-то жутковато.

— А ведь это я нашел грот, — сказал Снифф, и никому неохота было возражать, что все слыша-

ли это тысячу раз.

— Хотите, я расскажу вам страшную историю? — спросил Снусмумрик, зажигая лампу.

— А насколько страшную? — спросил Хемуль.

— Примерно отсюда до входа, а то и чуть подальше, — ответил Снусмумрик. — Если только это что-нибудь тебе говорит.

— Ровно ничего, — сказал Хемуль. — Давай рассказывай, я скажу, когда мне станет страшно.

— Ладно, — сказал Снусмумрик. — Это правдивая история, я слышал ее от черного дрозда. Ну, значит, так. На краю света стоит высокая-превысокая гора, поглядишь, так дух захватывает. Черная как сажа и гладкая как шелк. Ее склоны отвесно падают в бездну, а вокруг вершины парят облака. А на самом верху стоит дом Волшебника, и выглядит он вот так. — Снусмумрик начертил на песке дом.

— Без окон? — полюбопытствовал Снифф.

— Без окон и без дверей, потому что Волшебник всегда возвращается домой по воздуху на черной пантере. Он выходит только по ночам, разъезжает по свету и собирает в свой плащ рубины.

— Да что ты! — воскликнул Снифф, сделав большие глаза. — Рубины! Как же он их находит?

— Волшебник может обернуться кем угодно.

Может забраться под землю и даже спуститься к сокровищам на дне морском.

— На что ему столько драгоценных камней? — с завистью спросил Снифф.

— Да ни на что. Просто собирает, да и только. Совсем как Хемуль собирает растения.

— Ты что-то сказал? — встрепенулся Хемуль, задремавший в своей песчаной ямке.

— Я сказал, что дом Волшебника полон рубинов. Они грудами навалены на полу, они вделаны в стены и горят, как глаза зверей. Дом без крыши, и проплывающие над ним облака отсвечивают красным от их блеска. Глаза Волшебника тоже красные и светятся в темноте.

— Я уже готов испугаться, — сказал Хемуль. — Сделай милость, рассказывай потихонечку.

— Ну и счастливый же он, наверно, этот Волшебник, — вздохнул Снифф.

— Вовсе нет, — отвечал Снусмумрик. — Он будет счастливым, только когда найдет Короля рубинов. Это очень большой рубин, не меньше головы его черной пантеры, а посмотришь на него, так кажется, будто в нем переливается жидкий огонь. Волшебник искал его на всех планетах, добрался даже до Нептуна, но до сих пор не нашел. Сейчас он отправился на Луну, ищет рубин

в лунных кратерах, впрочем, без особой надежды на успех. В глубине души Волшебник уверен, что рубин находится на Солнце, но попасть туда он не может. Он уже делал несколько попыток, но там слишком горячо.

— Неужели все это правда? — недоверчиво спросил Снорк.

— Хотите — верьте, хотите — нет, — безразлично отвечал Снусмумрик и продолжал: — Только знаете, что сказал мне дрозд? Он сказал, что у Волшебника есть черный цилиндр и он потерял его несколько месяцев назад, когда отправился на Луну!

— Не может быть! — вырвалось у Муми-тролля.

— Так, значит, это он и есть! — воскликнула фрекен Снорк.

— Факт, — сказал Снорк.

— Что случилось? — спросил Хемуль. — Вы о чем?

— О шляпе, о чем же еще, — ответил Снифф. — О черном цилиндре, который я нашел этой весной. О волшебной шляпе!

Снусмумрик многозначительно кивнул.

— Ну а вдруг Волшебник вернется за шляпой? — тревожно спросила фрекен Снорк. — Я бы

ни за что не осмелилась взглянуть в его красные глаза!

— Надо посоветоваться с мамой, — сказал Муми-тролль. — До Луны далеко?

— Изрядно, — отвечал Снусмумрик. — К тому же Волшебнику потребуется время, чтобы обшарить все кратеры.

Наступило гнетущее молчание. Каждый думал о черной шляпе, стоявшей дома на комоде под зеркалом.

— Сделайте свет поярче, — попросил Снифф.

— Вы ничего не слышите? — сказал Хемуль. — Прислушайтесь! Там, снаружи…

Все устремили взгляды на вход и прислушались. Из ночной тишины доносились какие-то тихие-тихие звуки — уж не пантера ли крадется к ним?

— Это дождь, — сказал Муми-тролль. — Идет дождь. Теперь в самый раз немножко поспать.

Все разошлись по своим ямкам и закутались в одеяла. Муми-тролль погасил лампу и под легкий шорох дождя погрузился в сон.

Хемуль проснулся оттого, что его спальное место залило водой. Снаружи шелестел теплый летний дождь, вода ручейками и водопадами сбегала по стенам грота и, как нарочно, устрем-

лялась в его ямку.

— Эх, страсти-напасти! — пробормотал Хемуль, отжал платье и вышел посмотреть погоду. Повсюду было одно и то же — серо, сыро и неприютно. Хемуль спросил себя, не охота ли ему искупаться, и рассудил, что неохота.

«Ну никакого порядка на свете, — недовольно подумал он. — Вчера жарища, сегодня мокротища. Пойду-ка завалюсь снова спать».

Ямка Снорка показалась ему посуше остальных.

— А ну подвинься, — сказал Хемуль. — Мою постель залило водой.

— Тем хуже для тебя, — сказал Снорк и повернулся на другой бок.

— Вот я и хочу устроиться вместе с тобой, — заявил Хемуль. — Не будь свиньей.

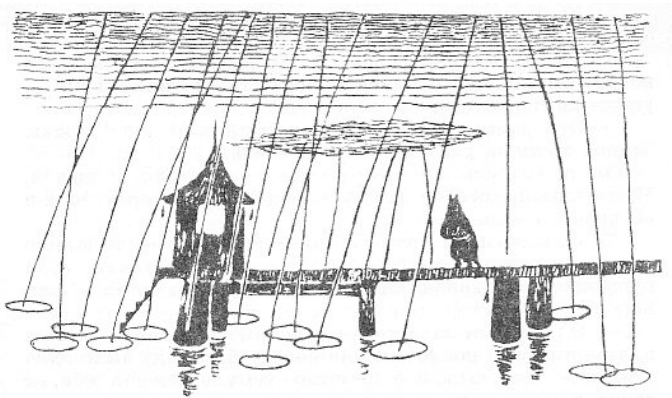
Но Снорк лишь пробормотал что-то невнятное и не шелохнулся. А Хемуль, преисполнясь жаждой мщения, взял и прорыл канал от своей ямки к Снорку.

— Это, Хемуль, знаешь что! — сказал Снорк, вскакивая в намокшем одеяле. — Вот уж не думал, что ты горазд на такие фигли-мигли!

— Это было наитие! — радостно сообщил Хемуль. — Ну, что мы теперь будем делать?

Снорк высунул нос из грота и взглянул на небо, на море. Затем уверенно сказал:

— Ловить рыбу. Буди всех, а я пойду подготовлю лодку.

Снорк спустился на мокрый песок, вышел на мостки, сооруженные Муми-папой, и постоял с минуту, выставив нос в сторону моря. Был полный штиль, лишь дождь накрапывал тихо, и каждая капля оставляла кружочек на мерцаю-

щей глади воды. Снорк кивнул каким-то своим мыслям и вытащил из-под навеса ящик с самым большим переметом. Потом достал из-под мостков рыбный садок и принялся наживлять крючки, напевая про себя охотничью песню Снусмумрика.

Когда все вышли из грота, перемет был уже налажен.

— А, вот и вы наконец, — сказал Снорк. — Снимай мачту, Хемуль, и вставляй уключины.

— А мы непременно должны ловить рыбу? — спросила фрекен Снорк. — Ведь, когда ловишь рыбу, ничего не происходит, и потом, мне так жалко этих маленьких щучек!

— Ничего, сегодня произойдет, — сказал Снорк. — Садись на нос, там ты меньше будешь мешать.

— Дайте я помогу! — завопил Снифф и, уцепившись за ящик с переметом, вскочил на борт.

Лодка накренилась, ящик с переметом перевернулся, а половина его содержимого запуталась в уключинах и якорных лапах.

— Оч-чень хорошо! — сказал Снорк. — Замечательно! Опытность морского волка, полный порядок на борту и все такое прочее. А прежде всего — уважение к труду других. Ха!

— Как? Ты его не проберешь? — удивился Хемуль.

— Еще чего… — мрачно усмехнулся Снорк. — Где это видано, чтобы слово капитана что-нибудь значило на корабле? Нигде. Валите ящик в море как есть, авось что-нибудь да зацепится.

С этими словами Снорк залез под кормовое сиденье и с головой укрылся брезентом.

— Это надо же, — сказал Муми-тролль. — Садись на весла, Мумрик, а мы будем расхлебывать эту кашу. Снифф, ты осел.

— Так точно, — с признательностью отвечал Снифф. — С какого конца начинать?

— С середины, — сказал Муми-тролль. — Только смотри не припутай свой хвост.

Снусмумрик стал медленно выгребать в море.

А тем временем Муми-мама ходила по дому ужасно довольная. Дождь мягко шелестел над садом. Кругом царили мир, тишина и порядок.

— Теперь все пойдет в рост! — говорила сама себе Муми-мама. — Ах, как хорошо, что я спровадила их в грот!

«Не мешало бы прибраться в комнате», — подумала она и начала сгребать в кучу чулки, апельсиновые корки, какие-то диковинные камни, куски коры. Туда же попала газонокосилка и

много чего другого. В радиоприемнике она нашла несколько губоцветных, которых Хемуль забыл положить под пресс. Муми-мама машинально смотала их в клубок, радостно прислушиваясь к мягкому шелесту дождя.

— Теперь все пойдет в рост! — повторила она и выронила из лап клубок.

Он упал прямо в шляпу Волшебника, но Муми-мама этого не заметила и пошла спать в свою комнату, потому что больше всего на свете она любила спать, когда дождь барабанит по крыше.

А в глуби морской стоял и подстерегал добычу перемет Снорка. Он стоял уже несколько часов, и фрекен Снорк буквально помирала от скуки.

— Все зависит от того, сколько ждать, — втолковывал ей Муми-тролль. — Может статься, на каждом крючке что-нибудь да будет, понимаешь?

Фрекен Снорк тихонько вздохнула.

— Да ведь и так, когда опускаешь крючок, на нем есть полуклейки, а когда вытаскиваешь — целый окунь. Ведь и так знаешь, что на крючке целый окунь.

— Или вовсе ничего! — сказал Снусмумрик.

— Или бычок, — сказал Хемуль.

— Словом, девчонке этого не понять, — заклю-

чил Снорк. — Ну теперь можно тащить. Только без крика! Потихоньку! Потихоньку!

Вот показался первый крючок.

Ничего.

Показался второй.

Опять ничего.

— Это говорит лишь о том, что они ходят на глубине, — сказал Снорк. — И что они ужасно большие. А теперь давайте потише. — Он вытащил еще четыре пустых крючка и сказал: — Вот хитрющий попался! Объедает у нас всю наживку. Ну и здоров же, наверно!

Все перегнулись через борт и напряженно глядели в черную глубину, куда уходила леса.

— Как по-твоему, что это за рыба? — спросил Снифф.

— Не иначе как Мамелюк, — ответил Снорк. — Смотрите, еще десять пустых крючков!

— Э-хе-хе!.. — сказала фрекен Снорк.

— Ну ты не больно-то эхехекай! — сердито оборвал ее брат, продолжая выбирать лесу. — Давайте потише, не то спугнете!

Крючок за крючком укладывался в ящик. Попадались пучки морской травы и водорослей. А рыбы не было. Прямо-таки ничего-ничего-шеньки.

И вдруг Снорк крикнул:

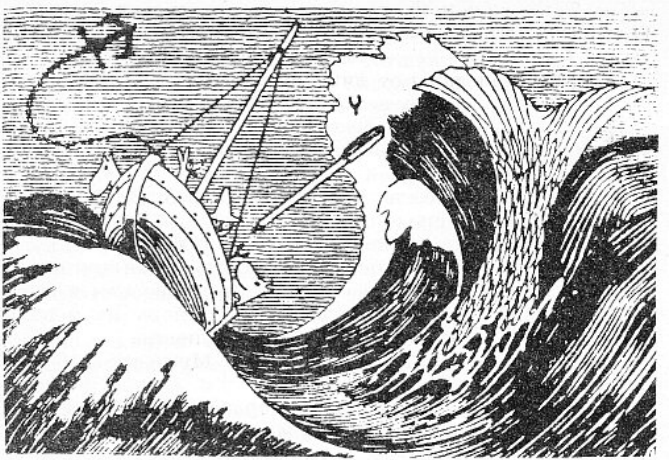
— Смотрите! Тянет! Я абсолютно уверен, что тянет!

— Мамелюк! — завопил Снифф.

— Теперь самый момент проявить выдержку, — с деланным спокойствием произнес Снорк. — Мертвая тишина! Вот он!

Туго натянутая леса провисла, и глубоко внизу, в темно-зеленой толще воды, что-то забелело. Неужели брюхо Мамелюка? Что-то вздымалось к поверхности, словно горный хребет с таинственного ландшафта морского дна… Что-то громадное, грозное, неподвижное. Зеленовато-замшелым стволом гигантского дерева скользнуло оно наверх под киль лодки.

— Сачок! — крикнул Снорк. — Где сачок?

И в то же мгновение воздух наполнился ревом и пеной. Громадная водяная гора подняла «Приключение» на своем горбу, ящик для перемета так и заплясал по настилу. Затем так же внезапно все стихло.

Лишь оборванная леса сиротливо свешивалась с борта, да огромные водовороты указывали путь

чудо-рыбы.

— Ну теперь-то ты видишь, что это за окунь? Такой рыбы мне больше не попадется. И настоящей радости мне уже тоже не испытать.

— Он сорвался вот тут, — пояснил Хемуль, поднимая конец лесы. — У меня такое ощущение, что нитка была слишком тонка.

— Иди купайся, — сказал Снорк, закрыв лапами лицо.

Хемуль хотел что-то ответить, но Снусмумрик вовремя толкнул его ногой. Воцарилось молчание. Затем фрекен Снорк осторожно сказала:

— Может, попробуем еще разок? Фалинь-то наверняка выдержит.

Снорк лишь презрительно фыркнул.

— А крючок? — немного погодя спросил он.

— Твой складной нож, — ответила фрекен Снорк. — Если выпустить разом лезвие и штопор, отвертку и шило, уж на что-нибудь он непременно подденется!

Снорк отнял лапы от лица и спросил:

— Ну допустим. А наживка?

— Оладья, — ответила сестра.

Снорк задумался. Все ждали затаив дыхание. Наконец он сказал:

— Да будет известно каждому: если только Ма-

мелюк ест оладьи, охота продолжается!

Складной нож крепко-накрепко привязали к фалиню куском стальной проволоки, оказавшейся у Хемуля в кармане, на лезвие насадили оладью и нож бросили в море.

Охотничий азарт разбирал фрекен Снорк не меньше других, и она даже попискивала от волнения.

— Ты вылитая Диана, — сказал Муми-тролль, любуясь ею.

— Кто это? — польщенная, спросила фрекен Снорк.

— Богиня охоты! — сказал Муми-тролль. — Красивая, как деревянная королева, и умная, как ты.

— Гм!.. — отозвалась фрекен Снорк.

В это мгновение «Приключение» сильно качнуло.

— Тсс! — произнес Снорк. — Он клюет!

Последовал еще более резкий толчок, а за ним сильнейший рывок, от которого все попадали на стлани.

— Караул! — завопил Снифф. — Он нас всех слопает!

«Приключение» зарылось носом в волну, выровнялось и с бешеной скоростью понеслось в открытое море. Перед его носом, натянутый как

струна, уходил в воду фалинь, распуская по сторонам усы белой пены.

Оладья явно пришлась Мамелюку по вкусу.

— Тишина! — крикнул Снорк. — Тишина на борту! Каждый на своем посту!

— Только бы он не нырял! — крикнул Снусмумрик, забравшись на нос.

Но Мамелюк плыл прямо вперед и уносил их все дальше в море. Вскоре берег превратился в узенькую полоску на горизонте.

— Как по-вашему, надолго его хватит? — спросил Хемуль.

— В случае чего обрежем веревку, — сказал Снифф. — А не то за все ответите вы!

— Ни за что не обрежем! — тряхнув челкой, воскликнула фрекен Снорк.

Тут Мамелюк взмахнул в воздухе своим огромным хвостом, развернулся и направился к берегу.

— Теперь идем чуть помедленней! — объявил Муми-тролль, который стоял на корме на коленях, наблюдая кильватерную струю. — Он выдыхается!

Мамелюк и вправду приустал, зато не на шутку разозлился. Он дергал трос и рыскал из стороны в сторону так, что «Приключение» валило на борт

с риском для жизни его пассажиров.

Время от времени Мамелюк приостанавливался, подманивая их к себе, а потом припускал с такой силой, что волны перехлестывали через борт. Тут Снусмумрик достал свою губную гармошку и заиграл охотничью песню, а остальные принялись отбивать такт ногами, да так, что стлани заходили ходуном. И вот на поди же! Мамелюк вдруг перевернулся и выставил из воды свое огромное брюхо.

Другого такого не было в целом свете.

С минуту все молча разглядывали рыбину, затем Снорк сказал:

— Поймал-таки я его!

— Да! — гордо сказала его сестра.

Мамелюка взяли на буксир и пошли к берегу. Тем временем дождь усилился. Хемуль вымок до нитки, шляпа Снусмумрика потеряла всякий вид.

— В гроте-то сейчас, должно быть, мокренько, — сказал Муми-тролль, сидевший на веслах. Он озяб. — Да и мама, наверно, волнуется, — добавил он немного погодя.

— Ты хочешь сказать, мы вроде как можем прямо сейчас отправиться домой? — спросил Снифф.

— Ну да, и показать нашу рыбу, — сказал

Снорк.

— Возвращаемся! — сказал Хемуль. — Всякие необыкновенности хороши, но только на время. Страшные истории, промокания, одиночество и все такое прочее. Но в конечном счете они не дают ощущения уюта.

Под Мамелюка подвели доски и сообща поволокля его по лесу. Разверстая пасть рыбины была до того велика, что ее зубы цепляли за ветки деревьев, а весу в ней было столько сот килограммов, что приходилось давать себе передышку на каждом повороте дороги. А дождь поливал все пуще и пуще. Но добравшись до Муми-дола, они не увидели своего дома за сплошной завесой дождя.

— Оставим его здесь на немножко, — предложил Снифф.

— Ни за что на свете! — горячо возразил Муми-тролль.

И они садом двинулись к дому. Внезапно Снорк остановился и сказал:

— Мы заблудились.

— Ерунда какая! — отозвался Муми-тролль. — Вот дровяной сарай, а вон там мост.

— Да, но где же сам дом? — спросил Снорк.

Странное, очень странное дело: Муми-дом исчез. Пропал начисто, целиком. Они положи-

ли Мамелюка на золотой песок перед крыльцом. То есть, собственно говоря, крыльца-то тоже не было. Вместо него…

Но сперва надо объяснить, что произошло в Муми-доме за время охоты на Мамелюка.

Когда мы в последний раз упоминали про Муми-маму, она ушла спать в свою комнату. А перед этим она машинально скомкала губоцветные Хемуля и уронила комок в шляпу Волшебника. Ах, не следовало ей в этот раз прибираться!

Ибо, пока дом был погружен в послеобеденный сон, губоцветные принялись расти на волшебный лад. Мягко извиваясь, поднялись они из шляпы Волшебника и расползлись по полу. Их побеги и усики стали ощупью взбираться по стенам, карабкаться по портьерам и шнуркам от вьюшек, пролезать во все щели, форточки и замочные скважины. С фантастической быстротой распускались во влажном воздухе цветы, созревали плоды. Огромные пучки листьев заполонили крыльцо, вьющиеся стебли оплели ножки стола, наподобие змеиных гнезд свешивались с потолка. Растения с мягким шелестом заполняли дом; изредка слышался приглушенный хлопок — это распускался какой-нибудь гигантский цветок или падал на ковер плод. Но Муми-мама решила,

что все это дождь, и, повернувшись на другой бок, спала себе и спала.

А в соседней комнате сидел Муми-папа и строчил мемуары. С той поры как он построил причал для «Приключения», не произошло ничего интересного, что стоило бы поведать потомству, и он стал описывать свое детство. При этом он до того расчувствовался, что чуть не пустил слезу. Он с рождения был необыкновенным, одаренным ребенком, которого никто не понимал. Но и подросши, он оставался непонятым, и ему во всех отношениях было так тяжело, так тяжело. Муми-папа строчил и строчил, представляя себе при этом, как все будут раскаиваться, когда он прочтет мемуары вслух. Это вновь привело его в веселое расположение духа, так что он даже воскликнул:

— Так им и надо!

И в то же мгновение на его рукопись шмякнулась слива и сделала большущее синее пятно.

— Клянусь своим хвостом! — вскричал он. — Муми-тролль и Снифф снова дома!

И он обернулся с решимостью как следует намять им холку. Но не тут-то было: его взгляд уперся в буйные заросли каких-то кустарников, обсыпанных желтыми ягодами. Муми-папа так и

подскочил на месте, и тут уж на его письменный стол обрушился целый дождь синих слив. Весь потолок был наглухо заткан сплетением веток, они росли прямо на глазах и тянули свои зеленые руки к окну.

— Эй! — крикнул Муми-папа супруге. — Проснись! Поди сюда!

Муми-мама села в кровати и в глубоком изумлении обвела взглядом комнату, которая была полна мелких белых цветов. Они на тоненьких нитях свисали с потолка в виде изящных розеток.

— Ах, какая прелесть! — сказала Муми-мама. — Уж не Муми-тролль ли это устроил, чтобы порадовать меня?

И, осторожно раздвинув тонкую занавесь из цветов, она встала с кровати.

— Эй! — кричал за стеной Муми-папа. — Открой! Я не могу выйти!

Муми-мама попробовала отворить дверь, но

тщетно. Дверь была безнадежно забаррикадирована мощными стеблями вьющихся растений. Тогда Муми-мама выбила стекло в двери на крыльцо и с величайшим трудом протиснулась в проем. Крыльцо сплошь заросло фиговыми деревьями, гостиная превратилась в дремучие джунгли.

— Охохонюшки! — сказала Муми-мама. — Разумеется, опять эта шляпа.

И она присела, обмахиваясь пальмовым листом.

Тут из зарослей папоротников, проросших в ванной, вынырнул Ондатр и жалобным голосом сказал:

— Вот! Теперь всем ясно, к чему приводит составление гербариев! Этот Хемуль никогда не внушал мне доверия!

Лианы проросли сквозь печную трубу, оплели крышу и окутали весь Муми-дом пышным зеленым ковром.

А на дворе под дождем стоял Муми-тролль и удивленно озирал высокий зеленый холм, на котором прямо на глазах распускались цветы и созревали плоды, меняя цвет из зеленого в желтый, из желтого в красный.

— Дом был тут, это точно, — сказал Снифф.

— Он там, внутри, — мрачно произнес Муми-тролль. — Теперь туда никому не войти, и никто оттуда не выйдет. Никогда-никогда.

Снусмумрик выступил вперед и с интересом стал осматривать холм. Ни окон, ни дверей. Сплошной ковер дикой растительности. Снусмумрик ухватился за какой-то стебель и потянул. Стебель был упругий, словно резиновый, и не выдергивался из земли! Как бы невзначай обвился он вокруг шляпы Снусмумрика и снял ее.

— Опять колдовство, — сказал Снусмумрик. — В конце концов это начинает надоедать.

Тем временем Снифф обежал вокруг наглухо заросшей веранды.

— Подвальное окошко! — крикнул он. — Оно открыто!

Муми-тролль стремглав подлетел к отдушине и заглянул в нее.

— А ну давай туда, живо! — решительно сказал он. — Еще немного — и оно тоже зарастет!

Один за другим все спустились вниз, в черноту подвала.

— Ау! — крикнул Хемуль, лезший последним. — Я никак не пролезу!

— Ну так оставайся снаружи, карауль Мамелюка, — отозвался Снорк. — Можешь включить в

свой гербарий дом!

И, оставив бедного Хемуля мокнуть под дождем, они ощупью пробрались к лестнице в погреб.

— Нам повезло, — сказал Муми-тролль. — Крышка открыта. Вот видите, как хорошо иной раз быть распустехой!

— Это я забыл закрыть, — поспешил вставить Снифф. — Так что вся честь принадлежит мне!

Они сразу же увидели замечательную картину: на суку сидел Ондатр и ел груши.

— А где мама? — спросил Муми-тролль.

— Мама вырубает папу из кабинета, — горестно отвечал Ондатр. — Единое упование мне осталось: что рай ондатров — спокойное местечко, ибо я уже не жилец.

Все прислушались. Мощные удары топора сотрясали листву. Раздался треск, за ним ликующий возглас. Муми-папа вышел на свободу!

— Мама! Папа! — закричал Муми-тролль, продираясь сквозь джунгли к входной двери. — Что вы тут без меня натворили?!

— Ах, золотко мое, — сказала Муми-мама. — Мы, наверно, опять оплошали со шляпой. Ну да идите же сюда! Я нашла в шкафу куст ежевики!

Это был исключительный день. Затеялась игра в девственный лес. Муми-тролль был Тарзаном, фрекен Снорк была Джейн. Сниффу разрешили быть сыном Тарзана, а Снусмумрик взял на себя роль шимпанзе Читы. Снорк ползал в подлеске с вставными челюстями из апельсиновых корок[4] и изображал врага вообще.

— Охохонюшки! — сказала Муми-мама. — Надо полагать, все наши гости чувствуют себя отлично.

— Надеюсь, что так, — отозвался Муми-папа. — Сделай милость, подбрось мне бананчик.

Веселье продолжалось до самого вечера. Никого не тревожило, что вход в погреб может зарасти, и все думать забыли о бедняге Хемуле.

А он торчал на дворе в мокром платье, прилипавшем к ногам, и караулил Мамелюка. Время от времени он съедал яблочко или считал тычинки в каком-нибудь цветке джунглей, но больше вздыхал.

Дождь перестал, близились сумерки. И едва только зашло солнце, что-то случилось с зеленым холмом, заключившим в себя Муми-дом. Он стал увядать так же быстро, как вырос. Плоды сморщи-

---

[4] Примечания: 4
Спроси у мамы: она знает, как они делаются!

лись и попадали на землю. Цветы поникли, а их листья свернулись трубочками. Дом наполнился шорохом и потрескиванием. Хемуль глядел, глядел, потом подошел и легонько потянул к себе ветку. Она была сухая, как трут, и сразу же отломилась: Тут Хемуля осенило. Он собрал огромную кучу хвороста, сходил в дровяной сарай за спичками — и на садовой дорожке запылал костер.

Веселый и довольный, Хемуль подсел к огню и просушил свое платье. А немного погодя его еще раз осенило, и он с нехемульской силой затащил в огонь хвост Мамелюка: больше всего на свете Хемуль любил жареную рыбу.

Так вот и вышло, что когда Муми-семейство и его друзья проложили себе путь через веранду и распахнули дверь, их взорам предстал чрезвычайно довольный Хемуль, уже умявший одну седьмую Мамелюка.

— Ах, негодник! — сказал Снорк. — Как же мне теперь взвесить мою рыбу?

— Взвесь меня да прибавь, — отвечал Хемуль, для которого этот день стал одним из самых счастливых дней в его жизни.

— А ну-ка, спалим весь этот девственный лес! — сказал Муми-папа.

Они вынесли из дому весь сушняк и сложили большущий костер, какого еще не видал Муми-дол. Мамелюка зажарили целиком на углях и съели всего без остатка, вплоть до кончика носа. Но еще долго после этого среди обитателей Муми-дома разгорались споры о том, какой длины он был: от крыльца до дровяного сарая или только до кустов сирени.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

где в повествование с таинственным чемоданом входят Тофсла и Вифсла, преследуемые Моррой, а Снорк вершит правосудие

Как-то ранним утром в начале августа на горе, примерно в том же месте, где Снифф нашел шляпу Волшебника, появились два путника — Тофсла и Вифсла.

Они остановились на вершине и оглядели Муми-дол. Тофсла был в красной шапочке. Вифсла нес большой чемодан. Они пришли издалека и очень устали. Внизу под ними из трубы Муми-дома, выглядывавшего из-за серебристых тополей и сливовых деревьев, курился утренний дымок.

— Дымсла, — сказал Вифсла.

— Что-то готовслят, — кивнул Тофсла, и они начали спускаться в долину, переговариваясь между собой на удивительном языке, известном только тофслам и вифслам. И хотя их понимают не все, главное, лишь бы они понимали друг друга.

— Каксла по-твоему, к ним можно войтисла? — спросил Тофсла.

— Этосла смотря чтосла и каксла, — сказал Вифсла. — Только не бойсла, если нас встреслят плохсла.

Они осторожно приблизились к дому и робко стали у крыльца.

— Ну как, постучимсла? — спросил Тофсла. — А вдругсла кто-нибудь выйдет и раскричитсла?

В эту минуту Муми-мама высунулась в окно и крикнула:

— Кофе готов!

Тофсла и Вифсла до того перепугались, что, не разбирая пути, бросились к подвальному окошку и юркнули в погреб, где хранилась картошка.

— Ой! — вздрогнула Муми-мама. — Это, верно, две крысы шмыгнули в подвал. Снифф, спустись к ним, дай им молока! — Тут ее взгляд упал на чемодан, стоявший перед крыльцом. — Э, да они с багажом. Охохонюшки! Стало быть, у нас прибавится постояльцев.

И она отправилась искать Муми-папу, чтобы попросить его сделать еще две кровати. Только совсем-совсем маленькие.

А Тофсла и Вифсла тем временем сидели, зарывшись в картошку, так что только глаза виднелись, и в великом страхе ожидали, что с ними будет.

— Таксла или инаксла, тут готовслят кофсла, —

пробормотал Вифсла.

— Кто-то идетсла! — прошептал Тофсла. — Тихо сидисла!

Крышка в погреб со скрипом откинулась, и на верхней ступеньке лестницы показался Снифф с фонарем в одной лапе и блюдечком с молоком — в другой.

— Эй! Кто вы такие? — спросил Снифф.

Тофсла и Вифсла только еще глубже зарылись в картошку и крепко ухватились друг за дружку.

— Хотите молока? — спросил Снифф чуточку громче.

— Онсла заманивает насла, — прошептал Вифсла.

— Если вы думаете, что я буду торчать тут весь день, вы ошибаетесь, — сердито сказал Снифф. — Какое безобразие! Либо дурость. Глупые старые крысы, не могли войти с парадного входа!

Тут уж Вифслу не на шутку забрало за живое, и он сказал:

— Самсла ты крысла!

— Эге, да они к тому же иностранцы, — сказал Снифф. — Пойду лучше позову Муми-маму.

Он захлопнул крышку погреба и побежал на кухню.

— Ну как, понравилось им молоко? — спросила

Муми-мама.

— Они говорят по-иностранному! — выпалил Снифф. — Кто их разберет, о чем они болтают!

— А как это звучит? — спросил Муми-тролль.

Вместе с Хемулем они толкли кардамон для сладкого пирога.

— Самсла ты крысла! — отвечал Снифф.

— Ну и дела, — вздохнула Муми-мама. — Как же я узнаю, что они захотят на третье в свой день рождения и сколько подушек им надо под голову?

— А мы научимся их языку, — сказал Муми-тролль. — Нет ничего проще: естьсла, чтосла, дратьсла.

— Мне кажется, я их понял, — задумчиво произнес Хемуль. — Похоже, они сказали Сниффу, что он старая облезлая крыса.

Снифф весь вспыхнул и вскинул голову.

— Ну так иди и толкуй с ними сам, если ты такой умный, — сказал он.

Хемуль подбежал маленькими шажками к крышке и приветливо крикнул:

— Добросла пожаловатьсла!

Тофсла и Вифсла высунули головы из картошки и посмотрели на него.

— Молокосла! Вкусла! — продолжал Хемуль.

Тофсла и Вифсла поднялись из подпола в гостиную.

Снифф глянул на них и с удовлетворением отметил про себя, что они намного меньше его. От этого он сразу подобрел и снисходительно сказал:

— Привет! Рад вас видеть!

— Спасибсла, вас тожсла! — ответил Тофсла.

— Вы варитсла кофсла? — спросил Вифсла.

— О чем это они? — поинтересовалась Муми-мама.

— Они проголодались, — перевел Хемуль, — но продолжают держаться мнения, что внешность Сниффа оставляет желать лучшего.

— Передай им, — вскипел Снифф, — что я отродясь не видал таких свиномордий. Ну я пошел.

— Сниффсла обиделсла, — сказал Хемуль. — Он глупсла!

— Ну так, ради бога, пойдемте пить кофе, — сказала Муми-мама, начиная нервничать, и провела Тофслу и Вифслу на веранду. Хемуль следовал за ними, страшно гордый своим новым званием переводчика.

Так Тофслу и Вифслу приняли в Муми-дом. Они ни перед кем не задирали носа и почти все время бродили по долине рука об руку. Чемодан они повсюду таскали с собой. Но когда наступили сумерки, они забеспокоились, забегали по всем лестницам и в конце концов спрятались под ковер.

— Что с вамисла? — спросил Хемуль.

— Морра идетсла! — прошептал Вифсла.

— Морра? Кто это? — спросил Хемуль, и ему тоже стало немножко не по себе.

Тофсла вытаращил глаза, оскалил зубы и напыжился, как только мог.

— Страслая и ужаслая! — сказал Вифсла. — Закрыслайте дверсли от Морры!

Хемуль прибежал к Муми-маме и сказал:

— Они говорят, что к нам явилась какая-то страшная, ужасная Морра. Мы должны запереть на ночь все двери!

— Но ведь у нас запирается только погреб, — озабоченно сказала Муми-мама. — С иностранцами, с ними всегда так. — И она пошла держать совет с Муми-папой.

— Надо вооружиться и загородить дверь мебелью, — сказал Муми-папа. — Такая ужасно большая Морра может быть опасна. Я установлю в гостиной сигнальный звонок, а Тофсла и Вифсла могут устроиться на ночь под моей кроватью.

Но Тофсла и Вифсла уже спрятались в ящик комода и ни за что не хотели вылезать оттуда.

Муми-папа покачал головой и пошел в дровяной сарай за ружьем. На дворе уже было по-августовски темно, сад окутали бархатисто-черные тени. Мрачно шумело в лесу, мелькали со своими карманными фонариками светлячки. Страшновато было Муми-папе идти за ружьем. А вдруг эта самая Морра подстерегает тебя за

кустом? А ты даже не знаешь, какая она из себя, и главное — какого она роста. Вернувшись на веранду, Муми-папа загородил дверь диваном и объявил:

— Свет будет гореть всю ночь! Каждый должен находиться в состоянии немедленной боевой готовности. Снусмумрик должен ночевать дома. — Все это было жутко интересно. Муми-папа щелкнул по ящику комода и сказал: — Мы не дадим вас в обиду!

Ящик безмолвствовал. Муми-папа вытянул его, чтобы посмотреть, не похищены ли уже Тофсла и Вифсла. Но они мирно спали. Чемодан лежал с ними рядом.

— Пожалуй, нам тоже можно лечь спать, — сказал Муми-папа. — Только вооружитесь все до одного!

Не на шутку встревожась и болтая без умолку, все разошлись по своим комнатам, и мало-помалу в Муми-доме водворилась тишина. Только на столе в гостиной одиноко горела керосиновая лампа.

Часы пробили двенадцать. Потом час. В самом начале третьего Ондатру пришла нужда прогуляться на двор. Он сонно прошлепал на веранду и в величайшем изумлении остановился перед ди-

ваном, преградившим ему путь. «Это еще что за выдумки!» — пробормотал Ондатр и решительно приступил к дивану. И, разумеется, тут сработал звонок тревожной сигнализации, который установил Муми-папа.

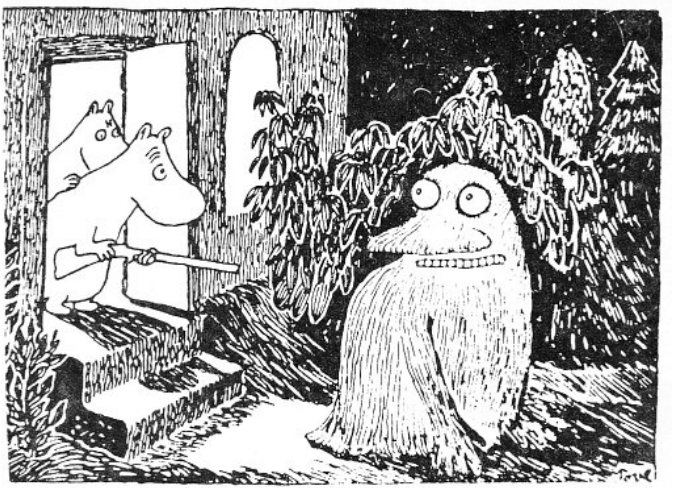
Дом в мгновение ока наполнился криками, выстрелами и топотом множества ног. Все ринулись в гостиную, вооруженные кто чем — топорами, ножницами, камнями, лопатами, ножами, граблями, — и в удивлении остановились перед Ондатром.

— Где Морра? — воскликнул Муми-тролль.

— Это я, — сердито отозвался Ондатр. — Мне надо выйти. Помню я о вашей глупой Морре!

— Ну так иди живей, — сказал Снорк. — И чтобы это было в последний раз, слышишь?

Он настежь распахнул дверь веранды, и тут все увидели Морру. Все-все. Она неподвижно сидела на садовой дорожке перед крыльцом и смотрела на них круглыми, без всякого выражения глазами.

Она была не особенно велика и не особенно грозна с виду. Она была лишь чудовищно омерзительна и, казалось, могла прождать так целую вечность.

В этом-то и заключался весь ужас.

Никто и не подумал напасть на нее. Она посидела еще с минуту на месте, потом скользнула

прочь во тьму сада. Земля, где она сидела, замерзла.

Снорк захлопнул дверь и встряхнулся.

— Бедные Тофсла и Вифсла, — сказал он. — Хемуль, сходи посмотри, не проснулись ли они.

Они проснулись.

— Она ушласла? — спросил Вифсла.

— Списла спокойсла, — сказал Хемуль.

Тофсла тихо вздохнул.

— Славсла богсла! — сказал он и, задвинув чемодан поглубже в ящик, снова заснул.

— Ну что, нам можно снова лечь? — спросила Муми-мама, отставляя в сторону топор.

— Ложись, — сказал Муми-тролль. — Мы со Снусмумриком покараулим вас до зари. Только сумку для верности спрячь, пожалуйста, под подушку.

Они сели вдвоем в гостиной и до самого утра резались в покер. А Морра в ту ночь больше не показывалась.

Наутро в кухню с озабоченным видом вошел Хемуль и сказал:

— Я говорил с Тофслой и Вифслой.

— Ну что там еще? — со вздохом спросила Муми-мама.

— Все дело в чемодане, это за ним охотится

Морра, — ответил Хемуль.

— Экое чудовище! — воскликнула Муми-мама. — Отнять у малюток последние вещички!

— Так-то оно так, — сказал Хемуль. — Да вот есть осложняющее обстоятельство. Похоже, чемодан-то принадлежит Морре.

— Гм… — произнесла Муми-мама. — Обстоятельство и вправду отягчающее. Надо поговорить со Снорком, он такой мастер наводить во всем порядок.

Снорк живо заинтересовался.

— Случай чрезвычайный, — сказал он. — Созываем собрание. Явка в три часа под сиреневыми кустами, будем решать вопрос.

Был чудесный теплый день, полный душистого аромата цветов и гудения пчел. Как нарядный букет, стоял сад в сочных красках позднего лета.

Между кустами натянули гамак Ондатра с объявлением: «Морра обвиняет». Снорк, в парике из древесной стружки, сидел на ящике и ждал.

Всякому было видно, что это судья. Прямо напротив, за перекладиной, недвусмысленно изображавшей скамью подсудимых, сидели Тофсла и Вифсла и ели вишни.

— Прошу назначить меня обвинителем, — сказал Снифф. (Он никак не мог забыть, что Тофсла и Вифсла обозвали его старой облезлой крысой.)

— В таком случае я буду их защищать, — сказал Хемуль.

— А я-то, а я-то! — воскликнула фрекен Снорк.

— А ты будешь Голос народа, — сказал ее брат. — Члены Муми-семьи будут свидетелями. Что касается Снусмумрика, то он может вести протокол судебного заседания. Только по всем правилам.

— Позвольте спросить, а почему нет защитника у Морры? — поинтересовался Снифф.

— В этом нет нужды, — сказал Снорк. — Морра права. Ну как вы там, все готовы? Начинаем. — И он трижды стукнул по ящику молотком.

— Тысла все понимасла? — спросил Тофсла.

— Совсем ничегосла, — ответил Вифсла и плюнул в судью вишневой косточкой.

— Высказываться будете тогда, когда вас спросят, — сказал Снорк. — Отвечайте только «да» или «нет» — и ничего больше. Кому принадлежит вышеозначенный чемодан — вам или Морре?

— Дасла! — сказал Тофсла.

— Нетсла! — сказал Вифсла.

— Запиши: подсудимые противоречат друг другу! — воскликнул Снифф.

Снорк застучал по ящику.

— Тихо! — крикнул он. — Спрашиваю в последний раз — чей это чемодан?

— Насла! — сказал Вифсла.

— Они говорят, что чемодан их, — перевел Хе-

муль. — Утром они утверждали обратное.

— В таком случае не может быть и речи о том, чтобы отдать его Морре, — с облегчением произнес Снорк. — Жаль только, все мои старания пошли впустую.

Тофсла потянулся к Хемулю и что-то шепнул ему на ухо.

— Вот что говорит Тофсла, — сказал Хемуль. — Только Содержимое чемодана принадлежит Морре.

— Ха! — сказал Снифф. — Так я и думал. Все просто, как апельсин. Морре надо вернуть Содержимое, а эти свиномордии пусть остаются при своем тухлом чемодане.

— Ничего не просто! — дерзко крикнул Хемуль. — Вопрос не в том, кому принадлежит Содержимое, а в том, кто имеет на него больше прав. Всякой вещи — достойный хозяин! Вы все видели Морру, и я спрашиваю: может ли она при такой внешности иметь право на Содержимое чемодана?

— А ведь верно! — удивленно согласился Снифф. — Ну и ловко же ты это подвел! Но вы только представьте себе, какая она одинокая, эта Морра, никто ее не любит, а она так все любит. Может, Содержимое — это все, что у нее есть! Так

что же, отнять у нее все? Одна-одинешенька, в ночи, — тут голос Сниффа задрожал, — обманутая, обобранная Тофслами и Вифслами… — Он всхлипнул и не мог продолжать.

Снорк заколотил по ящику.

— Морра не нуждается в защите, — сказал он. — К тому же твоя аргументация — и Хемуля тоже — продиктована личным чувством. Слово свидетелям! Высказывайтесь!

— Мы ужасно любим Тофслу и Вифслу, — заявило Муми-семейство. — Морру мы невзлюбили с самого начала. Очень жаль, если придется вернуть ей Содержимое.

— Закон есть закон, — внушительно произнес Снорк. — Держитесь существа дела! Тем более что Тофсла и Вифсла не видят разницы между законом и беззаконием. Такими они родились и не могут иначе. Что имеет сказать защитник?

Оказалось, что все это время Ондатр спал в своем гамаке.

— Ладно, — сказал Снорк. — Адвокату явно безразлично, оправдают его подзащитных или нет. Все сказали, что хотели? Сейчас я оглашу приговор.

— Прошу прощения, — сказал Голос народа, — а нельзя ли узнать, из чего, собственно, состоит

Содержимое?

Тофсла опять что-то шепнул Хемулю. Тот кивнул.

— Это секрет, — сказал он. — Для Тофслы и Вифслы Содержимое — самое прекрасное, что только есть на свете, а для Морры лишь самое драгоценное.

Снорк покивал головой и нахмурился.

— Трудный случай, — сказал он. — Тофсла и Вифсла рассуждают совершенно правильно, а поступают неправильно. А закон есть закон. Я должен подумать. А ну примолкните!

Под кустами сирени водворилась глубокая тишина. Лишь пчелы гудели, да сад пламенел на солнце.

По траве вдруг потянуло холодком. Солнце закрылось тучкой, сад посерел.

— Что это? — спросил Снусмумрик, подымая глаза от протокола.

— Опять она, — прошептала фрекен Снорк.

На замерзшей траве перед ними сидела Морра и таращила на них глаза.

Она медленно перевела взгляд на Тофслу и Вифслу, заворчала и стала подползать все ближе.

— Караулсла! — заголосил Тофсла. — Спаслите насла!

— Стоп, Морра, — сказал Снорк. — Я хочу сказать тебе кое-что.

Морра остановилась.

— Я принял решение, — продолжал Снорк. — Не согласишься ли ты, чтобы Тофсла и Вифсла выкупили Содержимое чемодана? Сколько ты за него просишь?

— Дорого! — ответила Морра ледяным голосом.

— Хватит тебе моей золотой горы на острове хатифнаттов? — спросил Снорк.

Морра отрицательно покачала головой.

— Фу, как холодно стало, — сказала Муми-мама. — Схожу-ка я за своей шалью.

Она пробежала через сад, по которому растекалась стужа от следов Морры, поднялась на веранду, и тут ей пришла в голову счастливая мысль. Разгоряченная от волнения, сняла она с комода шляпу Волшебника. Лишь бы только Морра оценила ее по достоинству! Вернувшись на место разбирательства, Муми-мама поставила шляпу на траву и сказала:

— Вот самая большая драгоценность во всем Муми-доле! Известно ли тебе, Морра, что вышло из этой шляпы? Чудесные управляемые тучки, фруктовый сок вместо воды и деревья с плодами. Это единственная волшебная шляпа на свете!

— Докажи! — насмешливо сказала Морра.

Муми-мама положила в шляпу несколько вишен. Наступило гробовое молчание.

— Лишь бы не получилась какая-нибудь гадость, — прошептал Снусмумрик на ухо Хемулю.

Но им повезло. Морра заглянула в шляпу и увидела в ней горсть алых рубинов.

— Ну что я тебе говорила! — радостно сказала Муми-мама. — Подумай только, что может получиться, если положить туда, скажем, тыкву!

Морра посмотрела на шляпу. Посмотрела на Тофслу и Вифслу. Потом снова на шляпу. Видно было, что она думает изо всех сил.

Наконец Морра сгребла шляпу в охапку и, не сказав ни слова, ускользнула холодной серой тенью. Ни ее, ни шляпы Волшебника в Муми-доле больше не видели.

Все краски разом потеплели, и гудящее пчелами, напоенное ароматом цветов лето продолжало идти своим чередом.

— Слава богу, что мы избавились от шляпы, — сказала Муми-мама. — Наконец-то она сотворила доброе дело.

— А все равно тучки — это было здорово, — сказал Снифф.

— И играть в Тарзана в девственном лесу — то-

же, — печально вторил ему Муми-тролль.

— Как хорошосла всесла сошлосла! — радостно сказал Вифсла, берясь за чемодан, все это время стоявший на скамье подсудимых.

— Феноменальносла! — ответил Тофсла и обнял Вифслу.

Они вместе пошли к дому, а остальные стояли и смотрели им вслед.

— Что они сказали? — спросил Снифф.

— Добрый день, примерно в этом роде, — ответил Хемуль.

ГЛАВА ПОСЛЕДНЯЯ,

очень длинная, в которой описывается, как Снусмумрик отправился странствовать и как стало известно Содержимое чемодана, как Муми-мама получила обратно свою сумку и на радостях закатила пир горой и, наконец, как в Муми-дол явился Волшебник

Стоял конец августа. Кричали по ночам совы, и летучие мыши большими черными стаями беззвучно кружили над садом. Лес был полон запаха гари, море неспокойно ворчало. Вся природа дышала грустью и ожиданием, луна стала огромная и яркая. Муми-тролль, сам не зная почему, всегда особенно любил эти последние летние недели.

Голос ветра и моря звучал теперь иначе, воздух был полон предчувствием перемен, деревья словно чего-то ждали.

«Уж не готовится ли что-то необыкновенное? — думал Муми-тролль. Он давно уже проснулся и лежал просто так, глядя в потолок. — Похоже, еще совсем рано и день будет солнечный», — продолжал размышлять он.

Тут он повернул голову и увидел, что кровать

Снусмумрика пуста.

В ту же минуту под окошком послышался тайный сигнал — один длинный свисток и два коротких, что означало: какие у тебя планы на сегодня?

Муми-тролль вскочил с постели и выглянул в окошко. Сад еще лежал в тени, было прохладно. Под окном стоял Снусмумрик и ждал.

— Пи-хо! — произнес Муми-тролль тихонько, чтобы никого не разбудить, и спустился вниз по веревочной лестнице.

— Привет, — сказал он.

— Привет, привет, — отозвался Снусмумрик.

Они сошли к реке и уселись на перила моста.

— Ты спрашиваешь о планах? — сказал Муми-тролль. — У тебя у самого-то есть какой-нибудь план?

— Да, — ответил Снусмумрик. — У меня есть план. Из тех, что предназначаются только для одного. Ну ты понимаешь.

Муми-тролль посмотрел на него долгим взглядом и сказал:

— Ты хочешь уйти.

Снусмумрик кивнул.

Они сидели и молча болтали ногами над речкой. Она не останавливаясь бежала от них все

дальше и дальше, к незнакомым местам, куда неодолимо тянуло Снусмумрика и куда он хотел отправиться совсем один.

— Когда ты уходишь? — спросил Муми-тролль.

— Прямо сейчас! — сказал Снусмумрик, соскочил с перил и потянул носом утренний воздух. Хороший денек для путешествия. Гребень горы алел в лучах солнца, и дорога, извиваясь, взбиралась на него и исчезала за перевалом. Там новая долина, а за ней новая гора…

— Ну что ж, — сказал Муми-тролль. — До свиданья.

— До свиданья, — сказал Снусмумрик.

Муми-тролль стоял на мосту и смотрел, как Снусмумрик становился все меньше и меньше и наконец совсем затерялся среди серебристых тополей и сливовых деревьев. Затем побрел к дому через мокрый от росы сад.

На крыльце он увидел Тофслу и Вифслу. Они сидели рядышком, греясь на солнце.

— С добрым утрслом, — сказал Тофсла.

— С добрым утром, — ответил Муми-тролль; он уже научился понимать их язык (хотя говорил на нем еще с трудом).

— Ты ревелсла? — спросил Вифсла.

— А! — только и ответил Муми-тролль. — Сну-

смумрик ушел.

— Как жальсла! — сочувственно отозвался Тофсла. — Можсла, ты немножсла развеселисла, если чмоксла Тофслу в нослу.

Муми-тролль чмокнул Тофслу в нос, но веселее ему не стало.

Тогда Тофсла и Вифсла уткнулись друг в дружку лбами и о чем-то пошушукались. Затем Вифсла торжественно произнес:

— Мы решисла показатьсла тебе Содержисла.

— Чемодана? — спросил Муми-тролль.

Тофсла и Вифсла с жаром закивали головами.

— Пойдемсла-пойдемсла, — сказали они и нырнули под живую изгородь.

Муми-тролль прополз за ними в середину очень густого куста и оказался в потайном местечке Тофслы и Вифслы. Земля здесь была устлана пухом, света почти не было. На рогожной подстилке стоял чемодан.

— Это подстилка фрекен Снорк, — сказал Муми-тролль. — Она искала ее вчера.

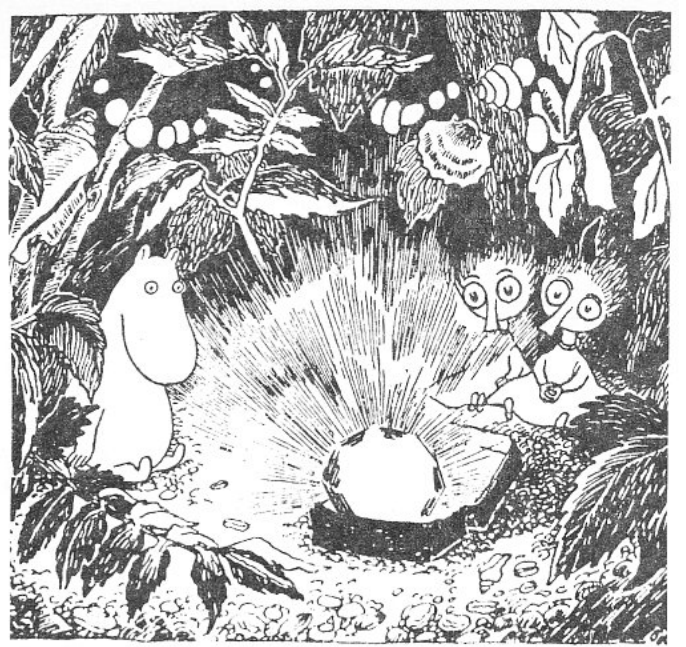
— Ну дасла, — сказал Вифсла. — Онасла не знасла, что мы ее нашлисла!

— Гм! — произнес Муми-тролль. — Так вы хотели показать мне, что в чемодане?

Тофсла и Вифсла радостно закивали, стали по

обе стороны чемодана, с серьезным видом просчитали: «Разсла! Двасла! Трисла!» — и быстро отщелкнули замок.

— Это надо же! — вырвалось у Муми-тролля.

Комнатка-тайник озарилась мягким красным светом. Перед ним лежал рубин величиной с голову пантеры, рдеющий, как закат, живой, как огонь и мерцанье водяных зыбей.

— Нравитсла? — спросил Тофсла.

— Да, — чуть слышно ответил Муми-тролль.

— Большсла не будешь реветься? — спросил Вифсла.

Муми-тролль только покачал головой.

Рубин был изменчив, как море. Он был то сплошной свет, и розовый отблеск реял над ним — совсем как над заснеженной вершиной при восходе солнца, то вдруг метал из своей глубины темно-красный пламень. А то вдруг делался как черный тюльпан с лучиками-тычинками.

Муми-тролль долго-долго стоял на месте. Время сделалось медленным, а его мысли большими-большими. Наконец он сказал:

— Это здорово. Можно мне когда-нибудь прийти еще разок взглянуть на него?

Тофсла и Вифсла не отвечали.

Муми-тролль выбрался на дневной свет, и у него закружилась голова. Он присел на траву, чтобы собраться с мыслями.

«Это надо же!» — думал он. — Я готов укусить себя за хвост, если это не тот самый Королевский

рубин, который ищет Волшебник. Подумать только, что все это время он лежал в чемодане у Тофслы и Вифслы!»

Он так глубоко задумался, что не заметил, как фрекен Снорк прошла к нему через сад и присела рядом.

— А, это ты! — вздрогнув от неожиданности, сказал Муми-тролль.

Фрекен Снорк улыбнулась.

— Ты видел мою новую прическу? — спросила она и повертела головой.

— Угу! — отвечал Муми-тролль.

— Ты думаешь о чем-то другом, — сказала фрекен Снорк. — О чем?

— Цветик ты мой ясный, я не имею права тебе это сказать, — ответил Муми-тролль. — Но что верно, то верно — на сердце у меня тяжело, потому что Снусмумрик покинул нас.

— Не может быть, — сказала фрекен Снорк.

— Это так. Он попрощался только со мной. Не стал никого больше будить.

На крыльцо вышли Снифф и Снорк.

— Эй вы! — сказала фрекен Снорк. — Вам известно, что Снусмумрик отправился в путешествие на юг?

— Без меня? — возмущенно воскликнул

Снифф.

— Всяк должен иногда остаться наедине с собой, — сказал Муми-тролль. — Ты еще слишком мал, чтобы понять это. Где все наши?

— Хемуль пошел по грибы, — ответил Снорк. — Ондатр унес в дом свой гамак, говорит, что по ночам теперь свежо. Кстати сказать, твоя мама сегодня в ужасном настроении!

— Сердита или в грустях? — спросил удивленный Муми-тролль.

— Пожалуй, скорее в грустях, — отвечал Снорк.

— Тогда я сию минуту к ней. Это просто чудовищно.

Муми-мама с несчастным видом сидела на диване.

— В чем дело? — спросил Муми-тролль.

— У меня беда, золотко мое, — отвечала мама. — Пропала моя сумка! А без нее я как без рук! Уж я искала, искала, но ее нет как нет!

— Это жуть что такое, — сказал Муми-тролль. — Мы отыщем ее!

Учинили грандиозные розыски. Уклонился один лишь Ондатр.

— Из всех бесполезных вещей дамские сумки самые бесполезные, — сказал он. — Посудите сами. Время идет, и один день сменяет другой

совершенно независимо от того, есть ли у Мумимамы сумка или нет.

— Но ведь это же совсем другое дело! — возразил Муми-папа. — Я просто сам не свой оттого, что у моей супруги пропала сумка. Я никогда не видел ее без сумки!

— Что там было? — спросил Снорк.

— Да ничего особенного, — отвечала Мумимама. — Просто вещи, которые могут вдруг понадобиться. Ну там сухие чулки, карамельки, стальная проволока, порошки от желудка и все такое прочее.

— Какое мы получим вознаграждение, если найдем ее? — спросил Снифф.

— Все что угодно! — ответила Муми-мама. — Я устрою вам пир горой, обед будет только из третьего, можно будет не умываться и не ложиться вовремя спать!

Розыски продолжились с удвоенной силой. Обшарили весь дом. Заглядывали под ковры и кровати, в печь и в погреб, забирались на чердак и на крышу. Обыскали весь сад, дровяной сарай и берег реки. Сумки не было.

— Ты, случайно, не залезала с ней на деревья, не брала ее с собой в море купаться? — спросил Снифф.

— Нет, — отвечала Муми-мама. — Ах, как я несчастна!

— Дадим объявление, — сказал Снорк.

Сказано — сделано. Тотчас вышла газета с двумя сенсационными новостями на первой полосе.

«СНУСМУМРИК ПОКИДАЕТ МУМИ-ДОЛ! — гласила первая. — Таинственный уход на рассвете!»

И шрифтом чуть покрупнее:

«ПРОПАЛА СУМКА МУМИ-МАМЫ! Никаких путеводных нитей! Розыски продолжаются. Неслыханное пиршество в вознаграждение за находку!»

Как только новость облетела долину, по всему лесу, на горах и на морском побережье поднялась страшная беготня. Даже последняя лесная крыса и та сочла небезвыгодным принять участие в поисках. Дома остались лишь старые да недужные, и вся долина огласилась криками и топотом ног.

— Охохонюшки, — сказала Муми-мама. — Ну и задала я всем гону!

Но в душе она была очень довольна.

— Чтосла всесла ищут? — спросил Вифсла.

— Да мою сумку, что же еще, — отвечала Муми-мама.

— Чернслую? — спросил Тофсла. — С четырьмясла карманслами?

— Что ты сказал? — спросила Муми-мама, она была слишком расстроена и не могла сосредоточиться.

— Чернслую с четырьмясла карманслами? — повторил Тофсла.

— Да, да, — ответила Муми-мама. — Бегите поищите ее, мои маленькие друзья!

— Ну чтосла ты думасла? — спросил Вифсла, когда они вышли в сад.

— Не могусла видеть ее в таком горесла, — отвечал Тофсла.

— Пожалуй, придетсла отдатьсла, — со вздохом сказал Вифсла. — Хотя так хорошо бысло спать в ее карманслах!

Они направились в свое потайное местечко, которое еще никто не успел обыскать, и вытащили из-под розового куста сумку Муми-мамы.

Ровно в двенадцать Тофсла и Вифсла прошли через сад, волоча за собой сумку. Их тотчас заметил ястреб и разнес весть по долине. Во все концы полетели телеграммы: «СУМКА МУМИ-МАМЫ НАЙДЕНА! Ее нашли Тофсла и Вифсла! Трогательные сцены в Муми-доме!»

— Неужели правда?! — воскликнула Муми-мама. — Я не знаю как рада! Где же вы ее нашли?

— В кустслах, — отвечал Тофсла. — В ней было

так хорошо спатьсла…

Но в эту минуту в комнату ввалилась толпа поздравляющих, и Муми-маме так и не довелось узнать, что ее сумка служила спальней Тофсле и Вифсле! (И, быть может, это даже к лучшему.)

Что до остального, то все только и думали о большом августовском пире. С приготовлениями надо было управиться до восхода луны. Даже Ондатр и тот проявил интерес к предстоящему торжеству.

— Вы должны поставить много столов, — сказал он. — Больших и маленьких. В самых неожиданных местах. Кто станет сидеть на месте во время большого пира? Пожалуй, суеты будет больше обычного. Вначале следует подавать на стол что получше, а чем угощать потом — не столь важно, ведь гости уже будут сыты. И не нагоняйте на них скуку всякими представлениями, песнями и так далее, пусть они сами и будут программой.

Выказав столь поразительную житейскую мудрость, Ондатр удалился в гамак читать книгу о Тщете Всего Сущего.

— Что мне надеть? — спросила фрекен Снорк. — Голубое украшение из перьев или диадему с жемчужинами?

— Давай перья, — ответил Муми-тролль.

— Ладно! — сказала фрекен Снорк и бросилась вон.

В дверях она столкнулась с братом, который нес в охапке разноцветные бумажные фонарики.

— Осторожно! — сказал он. — Ты из них винегрет сделаешь! Убей бог, не пойму, для чего существуют на свете сестры!

Он прошествовал в сад и стал развешивать фонарики на деревьях. А Хемуль тем временем закладывал в подходящих местах фейерверочные снаряды: звездные дожди, огненные змеи, бенгальские вьюги, серебряные фонтаны и взрывающиеся ракеты.

— Я ужасно волнуюсь! — сказал Хемуль. — Может, бабахнуть штучку для пробы?

— При дневном свете ничего не увидишь, — сказал Муми-папа. — Если хочешь, возьми огненного змея и спали его в погребе.

Муми-папа стоял перед крыльцом и разводил пунш сиропом. Время от времени он пробовал свою стряпню на вкус. Выходило очень недурно.

— Одно плохо, — сказал Снифф. — У нас не будет музыки. Снусмумрик-то ушел.

— Пустим приемник через усилитель, — сказал Муми-папа. — Все образуется! Второй бокал поднимем за Снусмумрика.

— А первый за кого? — с надеждой спросил Снифф.

— За Тофслу и Вифслу, разумеется, — ответил Муми-папа.

Тесто для оладий Муми-мама замесила в ванне, потому что не хватало горшков, а из погреба вынесла одиннадцать большущих банок варенья. (Двенадцатая лопнула, когда Хемуль стал пускать в погребе огненных змеев, но большой беды в этом не было, так как Тофсла и Вифсла почти все подлизали.)

— Подумслать толькса! — сказал Тофсла. — Сколькса шумсла в нашу честьсла!

— Да, трудно понятьсла, — согласился Вифсла.

Тофсле и Вифсле отвели почетные места за самым большим столом.

Когда стемнело и можно было зажигать фонари, Хемуль ударил в гонг, что означало: приступаем!

Начало было очень торжественное.

Все нарядились в свое самое лучшее и чувствовали себя немножко стесненно. Все здоровались, раскланивались друг с дружкой и без конца повторяли: «Как хорошо, что нет дождя» и «Как хорошо, что сумка нашлась».

Никто не смел сесть первым за стол.

Муми-папа произнес небольшую вступитель-

ную речь, в которой объяснил причину торжества и выразил благодарность Тофсле и Вифсле.

Потом Муми-папа заговорил о том, как коротко северное лето и что все должны повеселиться на славу, потом начал рассказывать о днях своей юности. Но тут Муми-мама выкатила тачку оладий, и ее встретили громом рукоплесканий.

Все сразу почувствовали себя непринужденнее, и немного погодя пиршество было в полном разгаре. Весь сад, да что там сад — вся долина была уставлена маленькими освещенными столами. Вот, описывая величественную дугу, взмыла в беспредельную высь ракета и рассыпалась дождем белых звезд, которые стали тихо-тихо падать на долину. Все букашки-таракашки повернулись носами к звездному дождю и закричали «ура!». Ах, как чудесно это было!

А вот забил серебряный фонтан, вот замела над верхушками деревьев бенгальская вьюга, и Муми-папа выкатил на садовую дорожку большущую бочку с пуншем. Все бросились к нему с посудой, и Муми-папа каждому наполнил посудинку, будь то чашка, или бокал, берестяной кубок, или ракушка, или свернутый фунтиком лист.

— За Тофслу и Вифслу! — провозгласил весь

Муми-дол. — Ура! Ура! Ура!

— Урасла! — закричали Тофсла и Вифсла и чокнулись друг с дружкой.

Муми-папа вынес в сад приемник и поймал танцевальную музыку из Америки. Вся долина разом пустилась в пляс, запрыгала, затопала, завертелась, затрепыхалась.

— Разрешите? — сказал Муми-тролль, склоняясь в поклоне перед фрекен Снорк.

А когда он поднял глаза, он заметил над верхушками деревьев яркое зарево.

Это была августовская луна.

Огромная как никогда, оранжево-желтая и ворсистая по краям, словно персик, она выкатилась из-за кромки леса и озарила своим таинственным сиянием Муми-дол, наполнив его светом и тенью.

— Между прочим, ночью на ней можно увидеть кратеры, — сказала фрекен Снорк. — Погляди-ка!

— Там, должно быть, ужасно неуютно, — сказал Муми-тролль. — Бедный Волшебник, он все ходит и ищет там, наверху.

— Будь у нас хорошая подзорная труба, мы бы, наверное, смогли его разглядеть, — сказала фрекен Снорк.

— Да, — сказал Муми-тролль. — Ну а теперь

потанцуем!

И празднество продолжалось с удесятеренной силой.

— Ты усталсла? — спросил Вифсла.

— Нетсла, — ответил Тофсла. — Я все думалсла. Всесла так к нам добрысла. Надо бы порадовслать их немножсла!

Они пошушукались между собой, затрясли головами и еще пошушукались.

А потом забрались в свое потайное местечко. Когда они вышли оттуда, при них был чемодан.

Уж полночь прошла, как вдруг весь сад озарился розовым светом. Танцы приостановились: все решили, что это какой-то новый вид фейерверка. Но это просто Тофсла и Вифсла открыли свой чемодан. Король рубинов, сверкая, лежал на лужайке, прекрасный как никогда. Все огни, фонари и даже сама луна померкли, потеряли свой блеск. В благоговейном молчании пылающий самоцвет обступала все более густая и многочисленная толпа.

— Уверена, что на свете нет ничего более прекрасного, — сказала Муми-мама.

А Снифф глубоко вздохнул и сказал:

— Ну и счастливцы же эти Тофсла и Вифсла!

* * *

Король рубинов сверкал красным глазом на окутанной ночной тьмою Земле, и Волшебник на Луне заметил его. Он уже совсем было отказался от дальнейших поисков. Усталый и печальный, отдыхал он на краю кратера, а его черная пантера спала поодаль. Он сразу понял, что это сверкает красным там, на Земле. Самый большой рубин на свете, Король рубинов, который он проискал не одну сотню лет! Не спуская с Земли горящего взора, он вскочил, натянул перчатки и набросил на плечи плащ. Собранные в него драгоценные камни он попросту вытряхнул — ведь его интересовал один-единственный самоцвет и он рассчитывал меньше чем через полчаса держать его в своих руках.

Пантера с хозяином на спине поднялась в воздух.

Быстрее света неслись они в мировом пространстве. Их путь с шипением пересекали метеоры, и звездная пыль порошей оседала на его плаще.

А красный огонь под ними разгорался все ярче. Волшебник взял путь прямо на Муми-дол, и вот уже пантера последним мягким прыжком приземлилась на гору.

А обитатели Муми-дола продолжали в безмолвном раздумье сидеть перед Королем рубинов. В его пламени им виделось все самое прекрасное, смелое и благородное, что они когда-либо представляли себе или переживали, и теперь им было в радость заново пережить все это. Муми-троллю вспоминалась его ночная прогулка со Снусмумриком; фрекен Снорк думала о своей блистательной победе над деревянной королевой. А Муми-маме казалось, что она снова лежит на прогретом солнцем песке и видит небо между качающимися головками морских гвоздик.

Все безраздельно отдались воспоминаниям, вот почему все вздрогнули, когда из ночного мрака выскользнула маленькая белая мышь с красными глазами и подсеменила к Королю рубинов. За ней выбежал черный кот и, вытянувшись, лег

на трапу.

Насколько всем было известно, ни белой мыши, ни черного кота среди обитателей Муми-дола не значилось.

— Кис-кис-кис! — позвал Хемуль.

Но кот лишь сощурил глаза и даже не думал отвечать.

— Добрый вечер, сестрица! — сказала лесная крыса.

Беглая мышь посмотрела на нее долгим мрачным взглядом своих красных глаз.

Тут Муми-папа выступил вперед с двумя бокалами и предложил вновь пришедшим пунша, но они не обратили на него ни малейшего внимания.

Долина притихла, словно предчувствуя недоброе, все удивленно зашептались. Тофсла и Вифсла встревожились, спрятали рубин в чемодан и защелкнули замок. Но только они хотели унести чемодан, белая мышь поднялась на задние лапы и начала расти.

Она выросла чуть ли не с Муми-дом и обернулась Волшебником в белых перчатках и с красными глазами. Кончив расти, он уселся на траву и устремил взгляд на Тофслу и Вифслу.

— Ступсла прочь, противслый стариксла! —

сказал Вифсла.

— Где вы нашли Короля рубинов? — спросил Волшебник.

— Не твое делсло! — ответил Тофсла.

Никто еще не видел Тофслу и Вифслу такими бесстрашными.

— Я происка́л его триста лет, — сказал Волшебник. — О нем, и только о нем, все мои помыслы.

— Наши тожсла! — сказал Вифсла.

— Ты не имеешь права отнимать у них рубин, — сказал Муми-тролль. — Он куплен в честном торге у Морры!

(О том, что рубин куплен за шляпу самого Волшебника, Муми-тролль умолчал. Впрочем, у того уже была новая.)

— Дайте мне чем-нибудь подкрепиться, — сказал Волшебник. — Мои нервы вот-вот сдадут.

Муми-мама тотчас выбежала вперед с оладьями и вареньем и дала ему большую тарелку.

Пока Волшебник ел, все набрались духу и подошли поближе. Кто ест оладьи с вареньем, тот не может быть таким уж страшно опасным. С таким можно говорить.

— Вкусла? — спросил Тофсла.

— Да, спасибо, — отвечал Волшебник. — Последний раз я ел оладьи восемьдесят пять лет назад.

Всем сразу стало его жалко, и все подошли еще ближе.

Поев, Волшебник вытер усы и сказал:

— Я не могу отнять у вас рубин. Купленное может быть только куплено снова или отдано. Не продадите ли вы мне его, скажем, за две алмазные горы и долину, полную разных драгоценных камней?

— Нетсла! — ответили Тофсла и Вифсла.

— И вы не хотите отдать его мне? — спросил Волшебник.

— Нетсла! — ответили Тофсла и Вифсла.

Волшебник вздохнул, посидел немного, задумчивый и удрученный, а потом сказал:

— Пусть празднество идет своим чередом! А я вам немного поколдую. Каждому свой фокус! Пожалуйста, задумывайте! Члены Муми-семейства первые!

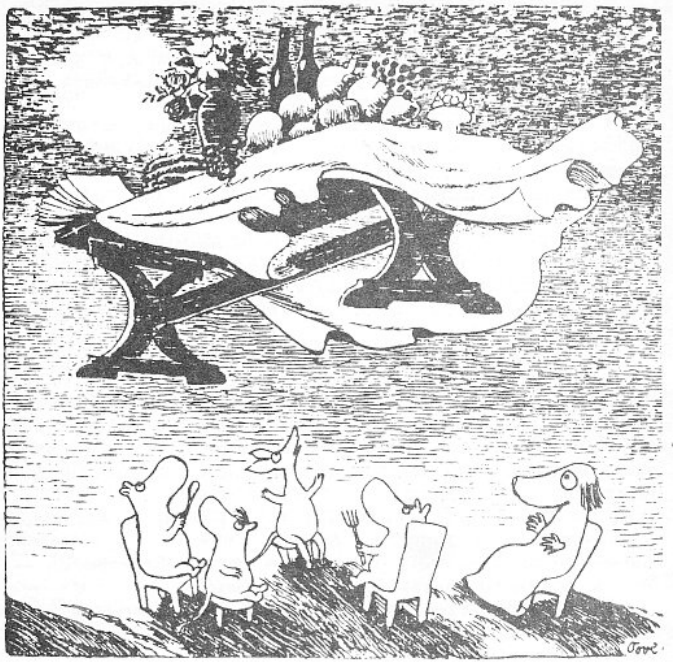
— Это должны быть вещи, которые видно, или мысли? — чуть помедлив, спросила Муми-мама. — Вы понимаете, что я хочу сказать?

— О да, — ответил Волшебник. — С вещами, конечно, проще, но и мысли тоже можно.

— Тогда мне очень хочется, чтобы Муми-тролль больше не тосковал по Снусмумрику, — сказала Муми-мама.

Волшебник взмахнул плащом, и печаль вмиг покинула сердце Муми-тролля. Тоска сменилась ожиданием, а ведь ожидать куда легче.

— Я тоже придумал! — воскликнул Муми-тролль. — Милый Волшебник, пусть весь этот стол, со всем, что на нем есть, улетит к Снусмумрику, где бы он сейчас ни был!

В то же мгновение стол взмыл между деревьями и поплыл на юг вместе с оладьями и вареньем,

фруктами и цветами, пуншем и карамельками, а заодно и с книгой Ондатра, которую тот положил на уголок.

— Э-э! — запротестовал Ондатр. — Прошу немедленно отколдовать мне книгу обратно!

— Сделанного не воротишь! — сказал Волшебник. — Но вы получите новую книгу! Извольте!

— «О нужности всего сущего», — прочел Ондатр. — Но ведь это же совсем не та книга! В моей трактовалось о тщете всего сущего.

Однако Волшебник только расхохотался.

— Теперь, кажется, моя очередь, — сказал Муми-папа. — До чего же трудно выбирать. Перебрал в уме массу вещей, но не смог придумать ничего мало-мальски стоящего. Оранжерею веселее построить самому. Ялик тоже. У меня все есть!

— Но тебя никто не заставляет загадывать, — сказал Снифф. — Ты можешь отдать мне свою задумку, и я загадаю два раза!

— Так-то оно так, — сказал Муми-папа, — только раз уж имеешь возможность загадать, то…

— Не тяни волынку, — сказала Муми-мама. — Загадай хотя бы приличный переплет для своих мемуаров!

— Что же, это мысль! — радостно сказал Муми-папа, и все вскрикнули от восхищения, когда

Волшебник вручил папе инкрустированный жемчужинами переплет из золота и красного сафьяна.

— А теперь я! — крикнул Снифф. — Желаю собственную лодку! Лодку, похожую на раковину, и с пурпурным парусом! И чтоб мачта была из розового дерева, а все уключины из изумрудов!

— Это немало, — дружелюбно сказал Волшебник и взмахнул плащом.

Все затаили дыхание, но лодка не появлялась.

— Не вышло? — разочарованно спросил Снифф.

— Очень даже вышло! — отвечал Волшебник. — Только, самой собой, я поставил ее на воду у побережья. Ты найдешь ее там завтра утром.

— И уключины из изумрудов? — спросил Снифф.

— Ну конечно. Четыре штуки и одна запасная, — сказал Волшебник. — Следующий.

— Право, не знаю, — начал Хемуль. — Сказать по правде, я потерял лопату для выкапывания растений, которую одолжил у Снорка. Так что мне, безусловно, нужна новая лопата.

И он, как положено всякому благовоспитанно-

му хемулю, сделал книксен',[5] когда Волшебник вручил ему новую лопату.

— Вы не устали колдовать? — спросила фрекен Снорк.

— Нет, все это очень легкие задумки! — ответил Волшебник. — Так что же угодно маленькой фрекен?

— Наверно, это будет дело потруднее, — ответила фрекен Снорк. — Можно, я шепну вам на ухо?

Когда она кончила нашептывать, Волшебник не без удивления спросил:

— Вы уверены, что вам это необходимо?

— Совершенно уверена! — выдохнула фрекен Снорк.

— Ну что ж! — сказал Волшебник. — Да будет так!

---

[5] Примечания: 5

Хемуль делает книксен потому, что кланяться в платье несколько нелепо.

И в то же мгновение по толпе прошел вздох изумления. Фрекен Снорк совершенно преобразилась.

— Что ты с собой сделала? — взволнованно спросил Муми-тролль.

— Я задумала себе глаза деревянной королевы, — ответила фрекен Снорк. — Ведь она казалась тебе такой красивой!

— Да, но… — начал несчастный Муми-тролль.

— Так, по-твоему, они некрасивые? — спросила фрекен Снорк и расплакалась.

— Ну полноте, — сказал Волшебник. — Если вам разонравилось, ваш братец может пожелать, чтобы у сестры стали прежние глаза!

— Да, но я думал совсем о другом, — возразил Снорк. — Я не виноват, если у нее такие глупые

желания!

— А что ты задумал? — спросил Волшебник.

— Вычислительную машину! — ответил Снорк. — Такую, чтобы решала, что справедливо, а что несправедливо, что хорошо, а что дурно.

— Это слишком трудно, — сказал Волшебник, покачав головой. — С этим я не справлюсь.

— Тогда хотя бы пишущую машинку, — недовольно проворчал Снорк. — А сестрица и с новыми глазами хороша!

— Ну не так уж она хороша, — сказал Волшебник.

— Братец, миленький! — разревелась фрекен Снорк, поглядев на себя в зеркало. — Пожелай мне обратно мои прежние маленькие глазки! Я выгляжу просто ужасно!

— Ладно уж, — великодушно сказал Снорк. — В интересах поддержания родовой чести можешь получить их обратно. Но надеюсь, этот случай обуздает твое тщеславие.

Фрекен Снорк снова посмотрела в зеркало и вскрикнула от восторга. Ее прежние умильные глазки снова были на месте — только ресницы стали чуточку длиннее. Сияя улыбкой, она заключила брата в объятия и сказала:

— Прелесть моя! Радость моя! Будет у тебя пи-

шущая машинка, сделаю я тебе такой весенний подарок.

— Пусти! — смущенно произнес Снорк. — Не лезь со своими нежностями. Я просто не мог видеть тебя в таком ужасном состоянии, только и всего.

— Ну что ж, из домочадцев остались только Тофсла и Вифсла, — сказал Волшебник. — На вас обоих только одна задумка, ведь вы нераздельная пара.

— А ты самсла себесла ничего не задумсла? — спросил Тофсла.

— Нет, не могу, — печально отвечал Волшебник, — я могу только желать за других да еще превращаться в разные вещи.

Тофсла и Вифсла посмотрели на него, потом уткнулись друг в дружку лбами и долго шушукались. Затем Вифсла торжественно произнес:

— Мы решили пожелатьсла за тебясла, потомусла ты такой добрасла. Мы хотимсла тебе такой же больслой и красливый рубинсла, как у насла!

Все только что видели, как Волшебник хохотал, но никто бы не мог подумать, что он может улыбаться.

Ну а теперь все его лицо просияло улыбкой. Он был так счастлив, что это было сразу видно

и по его ушам, и по шляпе, и по башмакам! Не сказав ни слова, он взмахнул плащом, и — вот нате! — сад вновь озарился розовым светом. На траве перед всеми лежал близнец Короля рубинов — Королева рубинов.

— Ну теперьсла ты совсем счастливсла! — сказал Тофсла.

— Еще бы! — ответил Волшебник, бережно завертывая в плащ сверкающий самоцвет.

— А теперь все букашки-таракашки и лесные крысы могут загадывать все, что только угодно! Я всю ночь буду исполнять ваши желания, но до восхода солнца я должен быть дома.

Вот тут уж пошло празднество так празднество!

Перед Волшебником выстроилась длинная очередь жителей леса, которые пищали, смеялись, ворчали, гоготали. Всем хотелось что-нибудь загадать. Волшебник был в радужном расположении духа, и кто загадывал глупо, мог перезагадать. Танцы разгорелись с новой силой, в сад выкатили новые тачки с оладьями. Хемуль без передышки бабахал свои фейерверки, а Муми-папа вынес мемуары в роскошном переплете и зачитывал вслух отрывки о своем детстве.

Никогда еще в Муми-доле не пировали с таким

размахом.

Ах, как сладко все съесть, все выпить, обо всем поговорить и до того наплясаться, что усталые ноги еле несут тебя домой в тихий предрассветный час — спать, спать!

Волшебник улетит на край света, а мышь заберется под свою травяную кочку, но и тот и другой будут одинаково счастливы.

И, пожалуй, счастливей всех будет Муми-тролль, который вместе с мамой пойдет домой через сад на рассвете, когда померкнет луна и листву всколыхнет утренний ветерок с моря. В Муми-дол вступает прохладная осень, и так надо потому, что без нее не бывает новой весны.

